

Григорий Елин

КОЛОКОЛ
ГЕРЦЕЛОЙДЫ

ТИГУРЕЛЬ

ГРИГОРИЙ ЕЛИН

КОЛОКОЛ ГЕРЦЕЛОЙДЫ

Венок венков сонетов

ТИТУРЕЛБ

МОСКВА

2011

УДК 821.161.1-
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Е 51

Елин Г.

Колокол Герцелойды. – М.: Титурель, 2011. – 288 с.
ISBN 978-5-902490-09-8

В форме венка венков сонетов автор ведёт читателя сквозь мир сновидений Герцелойды, матери Парсифаля. В образах рыцарства, сказания о Граале, эзотерического христианства, их взаимосвязях и ярком свете сквозь тьму из будущего, из прошлого – в настоящее, сплетённых в причудливый узор сонетов – венков сонетов – венка венков сонетов, можно найти ответы и задать новые вопросы себе, людям, Вселенной, Богу о добре и зле, об истине, о святости и грехе, о жертве, о милосердии, о любви, о красоте.

УДК 821.161.1-
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-902490-09-8

© Елин Г. Я.

© Издательство «Титурель» 2011

КОЛОКОЛ ГЕРЦЕЛОЙДЫ

ИЛИ

СНОВИДЕНИЯ,

**виденные матерью
накануне разлуки с сыном
и записанные со слов очевидца событий
ещё не вполне угасших дней в год ММІ
и облакаемых в единый хор венков сонетов
вплоть до середины лета ММVІІ
в местах
Московских, Черногорских и Греческих**

Рыцарям Святого Грааля посвящается

Вечен дух благого дела!
И
Душа
Распята вновь
На кресте больного тела
Как
Одна на всех
Любовь.

Светит, светит златосильный
Из души распятой
Луч,
Прожигая мрак могильный,
Раздвигая тяжесть туч.

И
Восходит
В сине небо
Из прогретой тьмы
Росток!
Сколько зёрнышек у хлеба?
Север, запад, юг, восток
Слышат
Весть благого дела –
Исцеленье
Светом
Тела.

ПРИГЛАШЕНИЕ

П окуда у поэта не украли

Способность мир стихами забавлять,
 Поэт обязан тайну о Граале
 По мере сил душевных выявлять.

О, Истина! Какое наслажденье,
 Когда твой лик проявится слегка,
 И в сердце пробудится удивленье
 И вдохновенье вещее! Рука

Исполнится настойчивым желаньем
 Соединить с бумагою перо:
 Убогость быта преобразованием
 Убить навек; налить воды в ведро, —

И вымыть пол в забытой всеми келье;
 Поставить тесто на ночь, чтобы вновь
 В сей дом пришли движенье и веселье,
 А вместе с ними — радость и любовь!

Мой дорогой читатель, я склоняю
 Перед тобой главу: ты жаждешь знать!
 Но я тебя сначала отправляю
 К другим поэтам, — к тем, кому внимать

Я сам готов часами: их рассказы
Настолько интересны и чисты,
Что, я уверен, в них найдётся сразу
Всё то, что ищешь как разгадку ты.

Кого бы ты ни выбрал среди братьев:
Будь то Кретъен, Робер или Вольфрам,
Узреешь ты среди нарядных платьев
Пастушье одеянье, посох, храм,

Звенящие доспехи и корону,
И рыбы на столе... Вчитайся сам
В священный текст. Его я не затрону
И изложению в лапы не отдам!

Без новых слов ты Парсифаля знаешь,
И Герцелойду в книгах ты найдёшь;
И если что-то ты не понимаешь,
Со временем, — уверен я, — поймёшь.

Мои сонеты — дерзкая попытка
Представить образ видящей души
В едином взгляде матери. Убытка
Нет от того, что я не сокрушил

Своим стихом монументальность грёзы
И сон её за бодрственность принял.
На вкус подобны океану слёзы.
Я их на сухость мысли променял.

Я, как умел, проплёл сознанием форму:
Мой стих — лишь одеянье, лишь сосуд.
Перед тобою выстроился хор мой, —
Читатель строгий, за тобою суд!

Суди меня здоровым приговором:
Коль заслужил, то назови скорей
Убийцею, грабителем и вором
Святых понятий. Ты меня мудрей,

Мой дорогой читатель, ибо рифма
Не заслонила твой душевный свет
И до глубин не въелась, не проникла,
Тебе оставя волю и совет!

Так, с Богом, — в путь!
Сквозь терния и воды,
Сквозь огонь,
Сквозь бурю
Пешеходом будь,

Читатель мой,
Пройди со мною своды
Невидимых дворцов под песнь свободы;

Своих друзей при этом не забудь
И пригласи на бал...

Так, с Богом, — в путь!

Одно событие в жизни Парсифаля
Определило путь его земной.
Он в мир пошёл на поиски Грааля
Не без участия матери родной.
Однажды Герцелойде сон приснился,
За ним — ещё,
И так — пятнадцать раз:
Как-будто сын её во сне явился
И ей поведал о себе.
Рассказ
Его не просто был сухим вещаньем:
Его глазами на судьбу Земли
Она во сне взирала.
Обещаньем
Прониклось вдове сердце.
Но прощаньем
Был прерван путь земной её,
Увы, —
Свободна от забот душа вдовы.

Прошли года.
Однажды повстречался
Старик седой с героем среди скал.
Он другом Герцелойдиным назвался
И Парсифалю свиток передал...

Была дана стихами в свитке этом
История вдовы великой снов,
Записанная кое-как поэтом
В земном бессильи речи
Тяжких слов.

Но
Парсифаль смотрел
Сквозь буквы слова,
И
Кроной мыслей облакался ствол
Познания древа высохшего.
Снова
Он снял с судьбы своей уют покрыва,
И светом озарился тёмный дол;
И прозвучал в душе его
Глагол!

История, читатель, пред тобою:
Она пережита во сне вдовою,
Записана поэтом и сейчас
На круги чтения
Приглашет
Нас.

!

ПАРСИФАЛЬ

1

Пусти меня на волю, Герцелойда;
Мне в тягость кров твой. Не храни оков!
С тобою жить-тужить удел земной дан.
В тебе печаль и тяжесть всех веков...

Открой мне дверь, прошу тебя; смиренен
Перед тобой я был и буду впредь.
Я искренен, хоть и несовершенен,
В своём стремленье за любовь сгореть.

Вся жизнь моя — одно твоё участие
Во всех моих делах. И побеждать
Не ты ль меня учила? Здесь причастье

Я получил святое. Понимать
Я стал судьбу. Но где найти мне счастье?
Пусти меня, заботливая мать.

2

Пусти меня, заботливая мать!
Что проку мне слоняться день без дела?
Созрел давно. Уж истомилось тело.
Хочу я в мир ворваться. Воевать

С царём обмана буду я. Держать
Жестокий бой мечом, огнём познанья.
Сражение — искусство врачеванья —
Начну один. За мной восстанет рать.

Пусть каждый рыцарь обнажит свой меч:
Падут на землю жалкие оковы.
Не бойся слёз. Слезам не верят вдовы.

Архангел с нами. Слышишь эту речь?
Глаголом жечь сердца сквозь тьму и годы:
Я рвусь вперёд, в объятия свободы!

3

Я рвусь вперёд, в объятия свободы:
Но предо мною сумрачная тьма
Стоит стеной: всеильна и нема.
“Всё — суета сует!” Одни невзгоды...

Но много ль нам открытий этих чудных
Готовит тьмы и просвещенья дух?
Ведь гордый гений нынче слеп и глух,
А опыт жизни — без ошибок трудных...

Без истины любовь — одно мученье,
А с истиной — блаженство, благодать!
Что без любви надежда? — Лишь забвенье...

Дай мне уйти! Дай мне надежду, мать!
Что без надежды вера? — Лишь сомненье...
Хочу я мир сей суетный познать!

4

Хочу я мир сей суетный познать
Не ради любопытства. Только хлебом
Насытиться нельзя для жизни. Небом
Хочу я плоть земную пропитать.

Хлеб и вода нас сами не питают:
Что в них питает нас, то — Слово-Свет,
То — Жизнь и Дух Святой. И я, поэт,
Трапезничаю. Надо мной летают

Вороны и стервятники. Они
Скликают смерть, зовут меня эстетом.
Нельзя пророком быть среди родни...

Среди людей быть нищим и поэтом —
Моя судьба. Но року вопреки
Я переполнен несказанным светом.

5

Я переполнен несказанным светом.
Как поделиться им? Прошу, советом
Напутствуй меня, мать. Иглу и нить
Дай в руки мне, чтобы я смог пронзить

Долину тьмы огнём святого знания,
Соткать ковёр для Жертвы. Для закланья
Я в кроткого ягнёнка превращусь.
На жертвенник взойдя, перекрещусь

И сброшу тело — духа покрывало,
Что никогда мне не принадлежало,
Но согревало душу одному

Солдату чести, рыцарю кинжала.
Самопознание — Божество! К Нему
Зовёт меня дорога в бездну, в тьму.

6

Зовёт меня дорога в бездну, в тьму,
И эта бездна — наша жизнь! Кому
Обязан я своей судьбой земною,
Когда всё вопиёт моей виною?..

Когда всё восстаёт из влаги Леты,
Я начинаю различать приметы:
То радость встреч, несущаяся вдаль;
То всех потерь, разлук моих печаль.

Я на земле... Кругом туман и мгла...
Луна смеётся сновиденья светом
Как в зеркале красotka... Привела

Меня дорога в храм. Но, став поэтом,
Я не хочу лупить в колокола!
Пусти меня! — Я еду за ответом.

7

Пусти меня! — Я еду за ответом,
За истиной. Сорвать скорей вуаль
С прекрасных глаз! Иосифа заветом
Был кубок с кровью, чаша Я — Грааль.

Но нет за мною Бога, — вот беда!
Се — человек! И с этим я согласен, —
Один из тысяч. Я пришёл сюда
Не для суда. Труд палача напрасен.

Пусть впереди сплошные несвободы,
Но я найду дорогу к алтарю
Сквозь все замки, все двери, арки, своды.

Зажжён огонь. И я иду к Нему
Через недели, месяцы и годы:
К Учителю седому своему.

8

К Учителю седому своему
Хочу найти я путь. Врата открыты.
Но не видать ни зги. Лишь одному
Ему ведома Истина. Забыты,

Отвергнуты священные Законы
Во тьме ночной людьми. В чести лишь прах.
Догматы вызывают только стоны
Бессильных тел, горящих на кострах.

Чему мы в церкви можем научиться?
Презреть неверного? Убить убийцу?
Нет христианства там, где Духа нет:

То, что твердят епископы — скелет!
Достоин только Дух благоговенья:
Меня Он примет, — в этом нет сомненья!

9

Меня Он примет, — в этом нет сомненья.
Я не скрываю в сердце удивленья:
На Древе Жизни созревает плод
Среди суровых бурь людских невзгод;

И семя, погрузившись в темноту,
На время умирает. Полноту
Его любви мы ощущаем снова,
И тайна восстаёт сквозь тьму покровы.

И новым стеблем жизнь стремится к небу;
И Солнце светом одаряет нас.
Чтоб этот свет в нас больше не погас,

Должны мы жить не долгу на потребу:
Из праха прорасти подобно хлебу! —
Назначен срок: столетье, день и час.

10

Назначен срок: столетье, день и час;
Взойдёт заря рассветная для нас.
Откуда под ключицей это жженье?
Я чую: это Духа напряженье!

Но как же слаб мой музыкальный слух:
Я к Духу невнимателен и глух!
Одни пустые, глупые заботы:
Одни лишь среды и, в мечтах, субботы!

Все дни недели превратились вдруг
В один сплошной базар, в продай-уменье
И в праздничного счастья вожделье.

Хочу я разорвать порочный круг
Воленьем мысли и уменьем рук!
Я отправляюсь в путь без сожаленья.

11

Я отправляюсь в путь без сожаленья.
О чём жалеть? Взгляни на этот мир:
В людском безумьи сотворён кумир.
Он принят в души без сопротивленья.

Отвергнув Небо, мы попали в сеть,
Расставленную ловким скорпионом
В подвалах храма. Стал теперь законом
Такой: “Родиться, чтобы умереть!”

И мы, родившись, будто не живём:
Всю жизнь мы смерти ждём. Благоговенье
В нас может вызвать только смерть. В своём

Величии одну мы признаём
Её. Но, чуя к Свету устремленье,
Пусть первым вдохом станет удивленье.

12

Пусть первым вдохом станет удивленье,
А выдохом — смиренная любовь...
Цветок погибнет, только семя вновь
Окажет весу тьмы сопротивление.

Дух тяжести собою заменить
Пытается Божественную волю...
И мы идём по вспаханному полю,
Мечтая этот дух скорей убить!

Я лёгок! Я летаю над собою;
И вижу сам себя, готовясь к бою,
К последнему сражению. Парнас

Отныне место битвы. Я сейчас
К Учителю пойду любой тропею...
Он ждёт меня. Он знает всё о нас.

13

Он ждёт меня. Он знает всё о нас.
Вопрос созрел. Несёт меня Пегас
Через руины веших, древних храмов,
Сквозь толпы негодяев, трусов, хамов.

Врата открыты настежь; и желанье
Моё теперь единственно: познание!
Оно есть жизнь. А так как я живу,
К познанию свою душу призову!

Свет Божества покуда не погас,
Отброшу я ненужные сомненья.
Нет ничего прекрасней удивленья,

Когда вдыхаешь воздух вдохновенья!
Он ждёт вопроса дерзкого сейчас,
Король-рыбак, премудрый Анфортас.

14

Король-рыбак, премудрый Анфортас
Устал страдать от нашего бездействия,
От наших неуёмных выкрутас,
Корыстной лжи, слепого лицедействия.

На мне позор лежит печатью сна:
Убитый на руках моей кузины.
Я не решился, — в том моя вина, —
Соединить в единстве половины.

Своё усилье приумножив вновь,
Вопрос задам я. Будет эта кровь
Отображеньем Бога и свободы.

Воистину, есть в мире лишь любовь!
Отныне навсегда мне путь земной дан...
Пусти меня на волю, Герцелойда.

15

Пусти меня на волю, Герцелойда;
Пусти меня, заботливая мать.
Я рвусь вперёд, в объятия свободы;
Хочу я мир сей суетный познать!

Я переполнен несказанным светом.
Зовёт меня дорога в бездну, в тьму.
Пусти меня! — Я еду за ответом
К Учителю седому своему.

Меня Он примет, — в этом нет сомненья.
Назначен срок: столетье, день и час.
Я отправляюсь в путь без сожаленья.

Пусть первым вдохом станет удивленье.
Он ждёт меня. Он знает всё о нас, —
Король-рыбак, премудрый Анфортас.

II

**ПОЛОЖЕНИЕ
АНФОРТАСА**

1

Король-рыбак, премудрый Анфортас
Забросил старый невод в чисто поле,
День ото дня штормит, — чего уж боле, —
В пустынном море. Близок этот час,

Когда от напряженья грозный век
Вот-вот взорвётся кровоизлияньем
В огромный череп бытия. Сияньем
Своей любви искупит человек

Вину перед Всевышним, чтобы вновь
На месте иудея или грека
Иль римлянина, слово человека

Могло преобразить для жизни кровь...
Король, призвав всю мудрость и любовь,
Стоит один во тьме слепого века.

2

Стоит один во тьме слепого века,
Красив и молод, но душой — калека:
Об Истине он знает лишь из книг,
Не лицезрея Духа ни на миг.

Природа для него закрыта мраком,
Познание погребено под знаком,
Под тяжкою печатью цифр и слов,
Под видимостью знания основ

Законов сотворённого. Желанье
У рыцаря, у странника — познание.
Но как ему, калеке, в этот час

Прозреть, когда судьбою испытанье
Ему дано? Но терпит Анфортас:
Он сеть свою забрасывал не раз.

3

Он сеть свою забрасывал не раз.
Но сеть пуста. Сомнительный экстаз
От холода житейского рассудка,
Мышления, как бытия желудка,

Что переварит мир в себе как быт,
Как колбасу, как пиво. Позабыт
Священный способ высекать из тверди
Живой огонь, что плавит силу смерти

И превращает семя в новый лист
Зелёного растения. Монист
Стал филистёром на исходе века.

Как хороша в ночи библиотека!
Вновь кинул сеть в надежде: месяц чист...
Но не нашёл он в сети человека.

4

Но не нашёл он в сети человека,
Как ни пытался: Океан молчит,
Вода мутна как после шторма. Читит
Своих отцов земля. И век от века

Напоминает рыболову: «Сила
Тебе дана, чтобы в меня входить
Мотыгою и бороной. Родить
Смогу я хлеб тебе. Не я ль поила

Тебя в пути журчащим молоком?
В горах, в чащобах был он неприметен,
Но с радостью ты думаешь о лете,

Когда младенцем резвым босиком
По мне ступал. Ты видишь? — В недрах сети
Одни лишь рыбы, мелкие притом!»

5

Одни лишь рыбы, мелкие притом,
Бывает, попадутся в сети к ночи,
А ночью — мрак, хоть выжги свечкой очи,
И пустота, шуршащая песком

На сумрачном причале. Что с того,
Что сонмы звёзд рассыпаны по небу?
Не виден путь земной. Навстречу хлебу
Лишь Солнце прорастает. У него

Есть верный страж, и нас не пустит он.
И это так же верно, как закон,
Что нам дала Природа. Погасила

Вселенная огни и не пустила
Нас в путь ночной, даря один лишь сон,
Одни лишь камни с дна морского, с ила.

6

Одни лишь камни с дна морского, с ила
Рыбак на этот раз нашёл. Вскормила
Нас хитрая наука волшебством
Абстрактных мыслей. То, что естеством,

Натурою, природой называем,
Отталкиваем мы, не понимаем
Того, что мысль речёная есть ложь,
Того, что Бог лишь на любовь похож.

Любовь есть Бог. Она основа знания. —
«Фило - София»? — Что нам до названья? —
Не высказать телесным языком

Небесную реальность. И страданья
Искушим мы дарующим перстом,
Молитвою и праведным постом.

7

Молитвою и праведным постом
Мы очищаем тело. Мы крестом
Самим себе распяливаем души,
Мы в вакууме напрягаем уши,

Надеясь что-то в мраке уловить
Божественное. Вновь преобразить
Хотим мы мир до атома, до клетки.
Эпоха — только образ семилетки,

А семилеток в наших судьбах — тьма;
Но мы живём, довольные весьма
Тем, что даёт, дарует нам могила

Материи. Хватаясь за перила:
По лестнице... Сквозь чёрный ход... Сама
В сей век не восстаёт бывшая сила.

8

В сей век не восстаёт былая сила.
Кто был ничем, навряд ли станет всем,
Пока душа в себе не погасила
Дух зависти на веки, насовсем.

Одни лишь дети понимают Бога:
Вначале было Слово... Лишь затем
Возникла мысль. О, как она убога
Обильем элементов и систем!..

Но мы живём, стоим в такое время,
Когда сознание в бытии своём
Помрачено неведением... И семя

Покуда не взошло из почвы, бремя
Безбожия мы на плечах несём...
Рыбак теперь стал просто королём.

9

Рыбак теперь стал просто королём,
Лишь кесарем, который собирает
С народа дань. Его мы узнаём
По профилю на серебре. Играет

Его портретом всякий негодяй:
То на лошадку резвую поставит,
То — в рамочку его и невзначай,
Случайно будто, мебель переставит:

В своей конторке, в офисе своём
На стеночку портретик сей приладит
И волосы по образу пригладит...

Такой трюкач с царём всегда поладит...
Но я иду предсказанным путём,
Отрезанным от моря тем копьём.

10

Отрезанным от моря тем копьём,
Что, в грудь мою вонзаясь, пересекает
Все возгласы толпы и увлекает
Меня туда, где только мы вдвоём

С Учителем моим Отцом ведомы,
Где за людские души бой идёт,
Где новый день Вселенная плетёт,
Где все слова и жесты так знакомы!

Меня судьбы поток во тьму влечёт.
Я увлекаем им в пучину рода.
Копьём солдата время наречёт

То остриё, что дарит нам природа,
Святая кровь весенняя течёт
С которого по каплям, как свобода.

11

С которого по каплям, как свобода,
С того, кто одиночество презрел,
Стекает слово... Плод давно созрел.
Ученье стало памятью народа...

Чтоб королю стать снова рыбаком,
Чтоб выловить из моря человека,
Должны отбросить мы привычки века,
Который тьмой и мусором влеком...

Забьём же кол во гроб слепого быта!
Заменим быт на бытие. В своём
Деянии мы веруем: сокрыта

Живая мысль повсюду и во всём...
Пока людьми их цель не позабыта,
Стекает кровь, которой мы живём.

12

Стекает кровь, которой мы живём,
Из года в год; и вместе с ней несём
По каплям в твердь земную, в тьму ночную
С момента Казни волю огневую.

Бог есть огонь. И в каждом нашем сердце
Лишь Он один противоречит смерти.
Он ради нас, своих заблудших чад,
С вершины Неба в подземелье, в ад

Спустился и сковал навеки смерть,
Собою пропитав тела и твердь.
Руда чиста! Бесценна та порода,

Живя в которой, хочет вырвать впредь
Кочевников, не ведающих брода,
Он из миллионов душ, из тьмы народа.

13

Он из миллионов душ, из тьмы народа
Сплетает сеть. И в эту сеть несёт
Вся сила моря, вся его природа
Того, кого рыбак так долго ждёт.

Вот — человек! А это — Люцифер...
Откуда сей вдруг оказался рядом
И светит знаньем всех небесных сфер,
И жалит мыслью, как змеиным ядом?

Слепая зависть проклятых богов
Отныне — образ жизни. Всюду мода
Теперь на Геростратов. Сей улов

Типичен в наше время. Богослов,
Отбросив цепь, сложив оковы рода,
Призвал двенадцать в круг земного года.

14

Призвал двенадцать в круг святого года:
Была там Чаша, в ней была свобода,
Как гостия, как диск была она,
Как Солнцем наделённая Луна.

И каждый из двенадцати держал
Попеременно кубок с кровью; ждал
Я тоже свой черёд, но не дождался;
И много раз за тем опять рождался,

Чтобы настал однажды этот час,
Когда из пепла умершего века
Восстанет свет живого человека,

Чтоб исцелиться светом мог калека...
Ведь не случайно ждал и верил в нас
Король-рыбак, премудрый Анфортас.

15

Король-рыбак, премудрый Анфортас
Стоит один во тьме слепого века.
Он сеть свою забрасывал не раз,
Но не нашёл он в сети человека:

Одни лишь рыбы, мелкие притом;
Одни лишь камни с дна морского, с ила.
Молитвою и праведным постом
В сей век не восстаёт былая сила.

Рыбак теперь стал просто королём,
Отрезанным от моря тем копьём,
С которого по каплям, как свобода,

Стекает кровь, которой мы живём.
Он из миллионов душ, из тьмы народа
Призвал двенадцать в круг земного года.

III

ПЕРЕД ПОРОГОМ

1

Призвал двенадцать в круг земного года
Новорождённый дух, звучащий в тьму.
Он представитель Нового Исхода
Из плена старой формы. Мы к Нему

Как к истинному Свету устремляем
Свои тела, биение сердец,
Страданием своим благословляем
Его на жизнь среди людей. Венец

На голову Его возложит время:
Соединенье силы с красотой;
Терновника мучительное бремя, —

Эпоха мысли, — это только семя
Эпохи света. Дух Его златой —
Тринадцатый — великий и святой!

2

Тринадцатый, великий и святой,
Среди друзей Своих. Метаморфоза
Прошедшего в грядущее: простой
Нам символ дан природой мудрой, — роза

Растёт навстречу Солнцу. Божество
В распятом Духе мыслит единенье:
Крест на-трое — двенадцать, и в него
Тринадцатый идёт. Проникновенье

Зерна любви в озлобленную тьму,
В скалистый грунт из высей небосвода, —
В чистилище, в судилище народа,

Отвергнутого Богом. Одному
Открыта тайна бытия. Ему
Звездой светит вещая свобода.

3

Звездою светит вещая свобода;
Но мы не замечаем год от года
Её сиянья несказанный свет:
На все вопросы знаем мы ответ,

Определенья, своды точных правил;
И каждый, кто стопы свои направил
В науки мира, верит, что живёт
Свободой мысли, сумрачный полёт

Которой навевает лишь сомненье
В себе самом. Свободное движенье
Здесь убивают цифрой с запятой,

Иль буквой формул. Догматизм пустой
Сковал здесь всё, что есть огонь рожденья
В лазурном небе ясно-золотой.

4

В лазурном небе ясно-золотой
Сверкает диск. Своею красотой,
Гармонией, душой сердцебиенья
Его великий Дух преображенья

Колеблет твердь, меняет всё вокруг,
Соединяет расчленённость в круг,
В парадоксальность бытия земного
С космическим. Нет ничего иного,

Что кроме ритма принимал бы мир,
Как тканьье жизни. Световой эфир
И атмосфера — сотворённый след

Двоичности в цепи тысячелетий:
Вот из тепла возникли газ и свет,
Вот хоровод двенадцати соцветий...

5

Вот хоровод двенадцати соцветий
В саду богов раскрылся. Дым столетий
Образовал густую пелену,
Под покрывалом скрыв мою страну.

Сокрытая от глаз чужих страна,
Душа моя! Ответь мне, в чём вина
Народа моего перед тобою?
Наделены тяжёлою судьбою

В России воплотившиеся души...
Великий крест — одна шестая суши —
Вонзился в бытие Земли. Иду

Во мгле. Ищу я то, открывши уши,
Что, может быть, в конце времён найду
На Небесах, как в утреннем саду.

6

На небесах, как в утреннем саду,
Цветы росой покрыты... Я войду
В сей дивный сад, чтоб отыскать земную
Любовь! Таю её одну такую

От посторонних взглядов, как цветок,
Который много зим хранил Восток
Как сокровенный огонь, что возгораясь,
Сквозь Запад обретает форму... Каясь

Не расплатиться грешнику вовек,
Когда из покаянья человек
Врастает в новый грех и дальше, — в третий,

В четвёртый и так далее... Побег —
Земная жизнь — растения соцветий, —
Плетенье судеб, миг среди столетий.

7

Плетенье судеб, миг среди столетий
Моя земная жизнь... Но почему
Среди Небес мерцающих соцветий
Ведом ответ лишь Богу одному?

Чтобы задать вопрос, я должен крест
Тяжёлых испытаний взять на плечи,
Пройти сквозь бедность, голод, суд, арест,
Не потеряв свой облик человеческий.

Кто может нынче предсказать судьбу?
Гадалки лишь в карман к тебе готовы
Залезть... Крепки железные оковы

На нежных ручках... Успокойтесь, вдовы!
Не видите? — То тень моя в аду,
Тропа в лесу, которой я иду.

8

Тропа в лесу, которой я иду,
Ведёт меня в долину тьмы, — я знаю;
Но в этой плотной тьме не пропаду:
Я темноту мечом своим пронзаю

Насквозь... Из тьмы, из пепла сна возникнет
Гора святая, а на ней стоит
Заветный замок, — весть о нём проникнет
Во все миры, — великий монолит...

Там, в этом замке, новое рождение
Героя восприму я. Принесут
На блюде три волшебника Сосуд:

Здесь каждый день идёт священный суд;
Здесь обретает слово постижение;
Здесь каждый миг слагается в движенье.

9

Здесь каждый миг слагается в движенье:
Из газа образуется вода;
Одновременно празднует тогда
Химический эфир своё рожденье:

Вся музыка, весь звук — лишь отраженье,
Намёк на то, чем звуковой эфир
В гармонии небесной этот мир
Несёт на крыльях ритма. Пробужденье —

Есть лишь метаморфоза сна. В покое
Луна на водной глади в этот час
Стремится отраженьем Солнца в нас

Посеять провозвестие живое:
Сквозь дух стихий идут навстречу двое,
Сквозь семь планет несёт меня Пегас.

10

Сквозь семь планет несёт меня Пегас;
Сквозь полночь бытия в пучину мира
Меня низводит действие эфира,
Эфира жизни в этот будний час:

Минуя воды, я вчленяюсь в твердь,
В сухую минеральную породу...
Лишь телом я принадлежу народу,
Но тело — лишь одежда духа. Смерть

Кладёт начало: новое движенье
Закручивает линию в спираль.
Я — лишь зерно. И путь мой — погруженье

Из микрокосма в Солнечную даль:
Познание есть Божество — Грааль,
Познание есть Солнца постиженье.

11

Познание есть Солнца постиженье,
Есть пробужденье семени в земле,
Мечта озябших пальцев о тепле
Июньских дней. О, головокруженье!

Морозное дыхание так бодрит,
Так продувает ясностью сознание,
Что всё моё в себе самом переживанье
Так ясно и логично говорит

Мне о науке, как о своде схем,
О божестве законченных систем!
Но где в нём жизнь, огня святого жженье?

Пред нами — пыль в глаза — научность тем;
Пред нами тень, — предмета искаженье...
Пред нами путь, — земное отраженье.

12

Пред нами путь, — земное отраженье
Того пути, что есть освобожденье,
От тяжких пут абстракции сухой.
Невидимый, невзрачный, но — живой

Огонь свечи в конце его сияет;
Наперекор ветрам он проявляет
Такую стойкость, напряженье сил,
Что видится в нём символ всех светил:

Всех солнц, всех лун, планет небесных,
Всех исцелений жертвенно-чудесных.
Он есть любовь. Он нас от смерти спас!

Я, глядя в бездну с хладных скал отвесных,
Открыть врата Отца прошу для нас
Небесного. Пробил заветный час!

13

Небесного пробил заветный час
Познания, пути в земной юдоли...
Что может быть прекрасней этой доли?
Скорее мчи, неси меня, Пегас,

Мой верный друг, мой вездесущий спутник!
Я крест страданий на себя взвалил,
И сам свои страдания полюбил,
Как может полюбить дорогу путник...

Куда пойти, куда податься Богу,
Когда Ему перебежал дорогу
Безумный кот? Терпения запас

Кончается. Мы подошли к порогу...
Ответив нам сияньем кротких глаз,
Сам Титурель открыл врата для нас!

14

Сам Титурель открыл врата для нас.
И вот мы за столом, а в центре — Чаша.
Двенадцать раз пробило. — Это час,
Когда Судьёй судьба вершится наша.

Борьба за жизнь есть жертва и любовь,
Есть добровольный путь в пустоты ада.
Пусть наши муки, боль, сомненья, кровь
Зажгут для мира свет. Пускай награда

Для нас есть только Дух, пронзивший тьму.
Король-рыбак всегда служил Ему,
Вождю детей и юного народа.

Он знает всё о нас, и потому
Воссев на трон под сенью Небосвода,
Призвал двенадцать в круг земного года.

15

Призвал двенадцать в круг земного года
Тринадцатый, великий и святой.
Звездою светит вещая свобода
В лазурном небе ясно-золотой.

Вот хоровод двенадцати соцветий
На небесах, как в утреннем саду:
Плетенье судеб, миг среди столетий, —
Тропа в лесу, которой я иду.

Здесь каждый миг слагается в движенье.
Сквозь семь планет несёт меня Пегас.
Познание есть Солнца постиженье.

Пред нами путь, — земное отраженье
Небесного. Пробил заветный час:
Сам Титурель открыл врата для нас!

IV

В ЗАМКЕ

1

Сам Титурель открыл врата для нас,
Высоким жестом осеняя своды
Пронизанного Духом замка. Час
Настал для испытания свободы.

Со мной бок о бок — шесть моих друзей;
И пятеро нас за столом встречают
Молчанием и радостью очей.
На том столе свечу огнём венчают

И пару рыб кладут на блюдо... Зал
На краткий миг сияньем озарился,
И кто-то тихо в тишине сказал,

Что он есть Я; и я его узнал.
И от меня мой ангел отделился:
Передо мною путь земной открылся.

2

Передо мною путь земной открылся
В извиве лемнискаты бытия:
Когда-то умер, но затем родился
Для новой жизни, для победы я.

Я — человек, живая пентаграмма,
Вершиной устремившаяся ввысь.
Я есмь огонь, мистерия и драма.
О, Серафим, прошу тебя, коснись

Своим крылом величественно-святым
Всех вопиющих за незрячих нас
В пустыне мира! Всем врагам заклтым

Дай света возлюбить! Частям разъятым
Стать вместе вновь: когда огонь погас
Я пережил свой самый главный час!

3

Я пережил свой самый главный час:
Воистину, поэт не знает страха.
Поэзия — палач, топор и плаха!
А место казни — золотой Парнас.

Я — воля, я — гармония, я — смысл:
Есть тройственность во всех деяньях Духа!
Судьба моя — капризная старуха —
Ломает зубы коромыслом грызл, —

Лошадка невезучая. Жокей,
Как мальчик, краской на щеках залился
И сквозь трибуны в бездну провалился.

Лишь в час особый в тишине полей
Рождается для мира соловей —
Как долго этот час заветный длился!

4

Как долго этот час заветный̄ длился
В лучах зарӣ рассветной̄... Целый̄ век
Челом горбатит̄ спину человек
В учёбе, в ловле истины. Родился

Как-будто он ищейкой̄, детективом
С собачьим нюхом, с хваткою̄ судьи
Иль адвоката. В мире соловьи
Непопулярны... Жизнь локомотивом

Проносится̄ сквозь подземелья̄ прах
С задраеннымӣ окнами в вагонах
Зелёной̄ электрички. На перронах

Мелькают̄ сонмы̄ бесов. В городах
Вампирный̄ рык — стенанье̄ о законах:
Еретиков̄ сжигают̄ на кострах.

5

Еретиков сжигают на кострах
И четвертуют... Если терпит крах
Империя, то смысл всегда найдётся
В расправах над людьми. И попадётся

В отстойник гильотины голова
Новатора... Слова, слова, слова:
Первоначальный облик их утерян,
А тот, кто знал его, в бою застрелен.

Все в этом мире заняты места:
Тьма отторгает весть о становленьи
И подменяет Вечного Христа

Монументальной копией креста,
Еретика казня за преступленья...
Но еретик блажен в своём стремленьи!

6

Но еретик блажен в своём стремленьи,
В своём маниакальном убежденьи
Сей дряхлый мир посевом наградить
Оживших мыслей: к свету пробудить

Немногих тех, кто не уснул навеки.
“Где отыскать вас в мире, человеки?” —
Он вопиет в пустыне. Превозмочь
Он страстно вожделеет эту ночь.

Любое бытие творится духом.
Любое эхо претворимо ухом
В отдельный звук. В сверкающих горах

Всяк сознающий обладает слухом
Творить из ничего, звучать в веках,
Искоренять невежество и страх.

7

Искоренять невежество и страх
Возможно лишь в себе самом, в темнице
Своей души незрелой. На руках
Несу я боль свою, и не укрыться

Мне от холодных взглядов лицемеров
Всех званий и сословий... Пустота
Пустыней стонет. И не счесть примеров,
Когда в высоком смысле простота

В таком себя являла облаченьи,
Что самый мудрый муж пред нею ник,
Как юный ученик, увидя лик

Высокой̄ сути в вечном становленьи.
Любить его, — пусть образ невелик, —
Искать основу веры в удивленьи.

8

Искать основу веры в удивленьи,
В узнаныи ликов... Поскорей вдохнуть
И замереть на миг; в его продленьи
Найти разгадку, помня: "Я есмь путь,

И истина". А кто же я таков?
Что сделал для Него я в жизни этой,
Иль предыдущей? Возлюбя врагов,
Не стану ль сам я демоном? Приметой

Такого становленья на пути
Мне будет камень мудрых. Понемногу
Осилит пешеход свою дорогу

И повернёт открытый взор свой к Богу:
Без знания к вершине не прийти,
Без удивленья знаний не найти...

9

Без удивленья знаний не найти
Нигде... Оно подобно восклицанью,
Восторгу сердца, тайному узнанью
Забытого лица... Перенести

Разлуку невозможно мне отныне.
У входа в храм я с трепетом стою.
Я жду начала службы. Я свою
Храню печаль о Вечере, о Сыне,

О тайной встрече. Гефсиманский сад
Как прежде тих... Блужданьем наугад
Мне не прийти к ответу. Как вульгарна

Молва людская! Без любви есть ад
Вся жизнь моя. Без света тьма коварна.
Без пониманья мысль — высокопарна.

10

Без пониманья мысль — высокопарна
И вычурна. Глупа, нескладна роль,
Которую избрал себе король:
Догматизёром слыть в народе. Парна

В двух крайних точках пульса мысль моя, —
Из парадоксов скроено творенье
Любой реальной вещи, и мышление —
Не исключенье в правиле: Земля

Мне дарит смысл невидимого Неба;
И там, где вижу былъ, я мыслю небылъ,
Которую мне предстоит найти

Для осознанья были. Как без хлеба
Теряет тело смысл, так чтоб идти
Без продвиженья смысла нет в пути.

11

Без продвиженья смысла нет в пути,
И кто-то должен в мир произнести
Глагол Господний, благодать вопроса,
Противоречье меры и хаоса.

Грядёт событие: я ключом открою
Замок на двери склепа, и герою
Откроется участие его:
Один — за всех, и все — за одного!

Мы связаны единою судьбою, —
Весь мир, все человеки. Не найти
Иной дороги нам. Сама собою

Не достижима цель благая. К бою
Чтоб знаний и умений обрести,
Мы сели в круг: венок из роз плести.

12

Мы сели в круг: венок из роз плести.
Пусть все кресты украсят эти розы!
Пусть потрясут наш мир метаморфозы,
И в людях Солнце сможет прорасти

Колосьями целительной пшеницы
Из зёрнышка невзрачного. Меня
В вечернем блеске тайного огня
Зовёт и манит профиль кружевницы,

Что вышивает небо серебром
Чарующих полночных звёзд. Бездарно
Я тратил жизнь свою. Я был шутом

У короля. И наслаждался сном.
Но сон иссяк. Вот: цех гудит товарно,
Вот: перед нами тьма чадит угарно.

13

Вот: перед нами тьма чадит угарно.
Вот: социум, устроенный вульгарно
По образу и духу пирамид;
И некий мрачный царь теней Аид

Не закрывает кованых ворот
В свой бункер, в свой подземный огород.
И встали мы пред ним, открыв забрала,
Чтобы услышать то, что нам сказала

В последний миг земля, старуха-мать;
Её мы чтим, мы ей должны воздать
Сполна за жертву жизни. Как коварно

Незнание!.. На том лишь благодать,
Кто знает: вот Клигзор хрипит кошмарно
Вот: Монсальват сияет лучезарно...

14

Вот: Монсальват сияет лучезарно
И светом ослабляет князя тьмы.
Цветы раскрылись солнечно-нектарно
Для человеческих душ, для пчёл; и мы,

Ревнители Закона, оторвёмся
От мрачных знаков истин прописных
И в тьму войдём, и навсегда проснёмся
Среди голодных, нищих и больных.

Прошли мы долгий путь сквозь твердь и воды,
Но факел Прометея не погас!
Нам помогали разные народы

Его нести в объятия свободы...
И вот настал тот месяц, день и час:
Сам Титурель открыл врата для нас.

15

Сам Титурель открыл врата для нас:
Передо мною путь земной открылся.
Я пережил свой самый главный час:
Как долго этот час заветный длился!

Еретиков сжигают на кострах,
Но еретик блажен в своём стремленьи
Искоренять невежество и страх,
Искать основу веры в удивленьи...

Без удивленья знаний не найти.
Без пониманья мысль — высокопарна.
Без продвиженья смысла нет в пути.

Мы сели в круг: венок из роз плести.
Вот: перед нами тьма чадит угарно.
Вот: Монсальват сияет лучезарно...

V

ГРААЛЬ

1

Вот: Монсальват сияет лучезарно
Великолепьем арок и огней
Величественно-благородных. Парно
Ждут рыцаря колонны у дверей.

Их безупречный вид внушает чувство,
Что не из камня сделаны они,
Что лишь Отца небесного искусство
Способно на такое... «Отдохни,

Земной художник!» — Хочется воскликнуть
При виде Замка в этот тихий час.
В рассветной дымке всей душой приникнуть

Как ухом к звуку, — к Солнцу. Чтобы вникнуть
В то, как из тьмы рождается алмаз, —
Начну-ка я неторопливый сказ.

2

Начну-ка я неторопливый сказ
О том, что изначально было Слово,
Что лишь Оно одно спасает нас
И радость жизни нам дарует снова.

Удары пульса свет во тьме несут:
Я мчусь на волнах деятельной крови
Туда, где ждёт меня Судья и суд,
Где Бог судьбы нахмурил грозно брови.

Я расскажу о мудрости святой,
О той, что источает свет нектарно
Со всех цветов и звёзд, и красотой

С которой несравним никто. Простой
Нам символ дан о том, что в мире тварно:
О том, что бытие не так вульгарно...

3

О том, что бытие не так вульгарно
Как кажется, не ведомо умам,
Постигшим мудрость школьную. Я сам
Бывало отвергал высокопарно

Как грубую материю всё то,
Что тьмою мы зовём, не зная света,
Что только глина для Творца-поэта,
А для богов лишь мерзкое ничто...

Как я жестоко в этом заблуждался
И этим заблуждением наслаждался:
Воздушный замок строя каждый раз;

И образ мира вывести пытался
Воспринимая так, как судит глаз:
Как в современных книгах учат нас.

4

Как в современных книгах учат нас, —
Так только душу изведёшь в мученьях,
Пытаясь в этих лживых поученьях
Найти хоть искру света. Свет погас

Средь бела дня. Весенние лучи —
Лишь жалкий образ этого свеченья...
Стал жертвою абстрактного ученья
Влюблённый в Оргелузу Анфортас.

Путь человека по земле трагичен
В эпоху обретенья мысли. Тьма
Питается циничностью ума

Неблагородных магов, и сама
Бессущностна... Я Богом ограничен:
Ритм эволюций дважды семеричен.

5

Ритм эволюций дважды семеричен.
Он есть лишь Бога творчество и плод,
Что отделившись сам, хоть и вторичен
По отношению к Богу, упадёт

В прогретый чернозём и прорастёт
Как собственная мысль, что к мысли Бога
Когда-нибудь свой путь приобретёт:
Когда-нибудь откроется дорога, —

Я верю в это, — рыцарю сквозь беды
Из тихих слов интимнейшей беседы,
Неведомой житейской суете,

Засветится всесилие победы,
Скупое озаряя житие
Сквозь бытие, сквозь инобытие.

6

Сквозь бытие, сквозь инобытие,
От ночи к ночи, от судьбы к судьбе
Я существую, я живу, я мыслю
И, дай то Бог, пути свои исчислю

Простой метаморфозой мотылька
В огонь костра, что мне издалека
Сквозь темноту величественно светит
И согревает душу. Не заметит

Его никто. У каждого он свой, —
Неповторимый первоцвет... Герой
Лишь на турнире рыцарском публичен.

О, Бог Вселенной, сколь же Ты земной;
Как Ты по-человечески трагичен!
О, человек Земли, как ты космичен!

7

О, человек Земли, как ты космичен!
Ты представленья Бога, мысль Его,
Воспринятая Им же: ты троичен,
Единый ты, и в жизни одного —

Неповторим, как каждый миг творенья;
Несовершенен в настоящем ты,
Но как идея, воля становленья
Нет совершенней никого. Цветы —

Лишь след деянья Солнца. Только дети
Подобно им на сумрачной планете
Открыты Божеству; и в темноте

Благоухает памятью о свете
Природа человека, бытие,
Творенье Бога, Бога житие!

8

Творенье Бога, Бога житие
Есть человеческий дух. Что не от Бога —
Не человечесье в нём. И на Земле
Бог в человеке — сеятель. Итого

Иного не дожждётся даже Бог:
Кто Он без человека? — Лишь химера.
И человек без Бога одинок...
Без Бога жизнь есть фокус Люцифера:

Что мне с того, что дал он людям свет,
Украв у Зевса огонь? На всё ответ
Не нужен мне. Хочу я научиться

Сам добывать его, ведь я — поэт,
Во мне есть Бог, Он зрит в мои глазницы...
Бог — математик, это знают птицы.

9

Бог — математик, это знают птицы, —
Его ученики и ученицы,
Что распевают гимны и летят
По формуле Всевышнего. Хотят

Они запечатлеть Его уменье
И мысль Его как пенье и движенье.
Но человека мысль и мысль Его
По творческому действию — одно.

Но мысль тогда лишь будет человечесьей,
Когда её родит он сам. Овечий
Подход здесь неприемлем. Нас спасут

Лишь собственные мысли. Нас излечит
Высоких мыслей справедливый суд.
Они в наш мир поэтам весть несут.

10

Они в наш мир поэтам весть несут.
Они подобны птицам — эти мысли.
И цель твоя, поэт: скорей исчисли
Закон полёта этих мыслей. Суд

Законом этим жёсткой формой связан,
Как формулой движенья к цели. Зло
Бессильно пред Законом. Повезло
Тому, кто Богу знанием обязан

О том, что мысль его убережёт
От искушений. Истинно живёт
Лишь тот, кто бодр и знает: всё нам снится

До той поры, пока нас не найдёт
Своя же мысль... И рушатся границы,
И прорастают зёрнышки пшеницы!

11

И прорастают зёрнышки пшеницы
На славном поле знания. Синицы
Лишь часть склюют, насытившись сполна...
Над задремавшим городом Луна

Монетой золотой блестит среди звезд
И этим светом озаряет крест,
Что я воздвиг в душе своей незрелой
Рукой неискущённо-неумелой.

Кондвирамур, любимая, проснись!
И мне приснись в наряде кружевницы,
Что вышивает Космос... Оглянись

И ты увидишь, глядя снизу ввысь:
Бой на земле, и в воздухе — зарницы,
И в небе катят огни колесницы.

12

И в небе катят огни колесницы
И в сердце возгорается огонь...
Пусть радость духа растрезвонят птицы!
Пускай галопом мчит мой верный конь

От мрачного заката до восхода
Меня — за Солнцем нового исхода
Святого поединка за любовь,
Что в ритмах сердца просветляет кровь.

Наполнен этим ритмом каждый волос
На голове, и в поле — каждый колос.
Я знаю: испытаний дни грядут, —

Во тьме младенца на руках несут, —
И слышу я судьбы гранитный голос,
И вижу я сквозь пламенящий суд.

13

И вижу я сквозь пламенящий суд
Жестокий бой и зверя отраженья
На всех щитах участников сраженья
И на волхвах, что во поле пасут

Овечье стадо вместо пастухов,
Которые закрылись в душных кельях,
Устав от бессердечного веселья,
И молятся до первых петухов

В бессилии вернуть былую славу
И гордый облик человеку. Ждут
От рыцаря, что выпьет он отраву

Из кубка золотого, что по праву
Ему в конце сраженья поднесут:
В руках Господних золотой сосуд.

14

В руках Господних золотой сосуд!
Из этих рук готов принять я муки.
Ведь эти руки снова мир спасут
Всесильем света истинной науки!

Любовь пронзит лучами тёмный дол.
Я тишину сомненьем не нарушу.
Она листвою покроет мысли ствол
И исцелит отравленную душу.

И я надеюсь: среди всех примет
Отыщется на мой вопрос ответ.
Он совершенен не высокопарно...

Я снова вижу несказанный свет.
Вот: ритмы тьмы стучат в полях ударно...
Вот: Монсальват сияет лучезарно!

15

Вот: Монсальват сияет лучезарно!
Начну-ка я неторопливый сказ
О том, что бытие не так вульгарно,
Как в современных книгах учат нас.

Ритм эволюций дважды семеричен:
Сквозь бытие, сквозь инобытие...
О, человек Земли, как ты космичен:
Творенье Бога, Бога житие!

Бог — математик, это знают птицы.
Они в наш мир поэтам весть несут.
И прорастают зёрнышки пшеницы...

И в небе катят огни колесницы...
И вижу я сквозь пламенящий суд
В руках Господних золотой сосуд.

VI

ΑΠΟΛΛΟΝ

1

В руках Господних золотой сосуд
Парит по небу. Не увидеть глазом
Тех ангелов, что в мир его несут,
Ведомых Всебожественным приказом.

Анжуйский князь, отважный Гамурет,
Был избран Богом для святого дела
Постичь непостижимый секрет
В познании мира меры и предела.

В далёкой Зазаманке он нашёл,
Казалось бы разгадку, связь живую
С Божественным ответом. Приобрёл

Он некий образ Духа там: орёл
На небе раздирает тучу злую, —
Он блеском просветляет тьму земную.

2

Он блеском просветляет тьму земную:
Лучи сквозь тучу озаряют дол
До самых низких мест, и огневую
Несёт орёл тот молнию. Укол

Стрелы небесной пробуждает камни
В степи горячей жизнь приобретает
И к небу прорастать листвою. Давний
Дан в символе закон: «Чтоб жизнью стать,

Постигни смерть сперва, уйди от света,
Замкнись во глубине безликих руд,
Стань нищим духом, жаждущим ответа,

Стань тенью пробуждённого поэта, —
Судьба вознаградит тебя за труд:
Господь один осуществляет суд».

3

Господь один осуществляет суд
И награждает каждого судьбою:
Идти во тьме тропой своей земною,
В конце которой меч нам отдадут

Прошедшие её. Они нас ждут
И сострадают жертвенно у входа
В спасённый мир, где царствует Свобода,
Как некий дух, творящий там и тут

В крылатом танце солнечную быль,
Расцветивая небом даль степную.
Он жарким ликом падает в ковыль;

Он тяжким камнем поднимает пыль;
Несёт нам в души волю огневую,
Вершит судьбой и жизнь даёт иную.

4

Вершит судьбой и жизнь даёт иную
Господь Всемилосерднейший. И ты,
Вдова Анжуйца, тайну красоты
Не ведаешь, сокрывшись в тень лесную:

Так роза ароматов не вдыхает...
Твой муж погиб, чужой спасая край...
Ты сына от людей не запирай.
Пусть мир его на прочность испытает!

Пускай в лучах осеннего заката
Неясный образ обретает суть;
Пусть за любовь любовью будет плата

Бойца за честь, отважного солдата.
Не даст тебе твой Бог передохнуть:
Он — творчество; Он — действие; Он — путь.

5

Он — творчество; Он — действие; Он — путь.
Он был, Он есть, Он будет. Не забудь
О том, что ты — лишь часть Его творенья,
Часть действия, ступенька становленья.

Весь Космос протекает сквозь тебя,
Запечатлев своё течение в «Я»...
Как чутко дышит вспаханное поле!
Ступай скорее в мир. Чего уж боле?

Больнее нет, пожалуй, ничего,
Чем видеть слабым сына своего
Среди зверей лесных. А там, где мера

У элементов есть, ищи Того,
Кто сердца середина, огонь и сера:
Он есть любовь и истина, и вера.

6

Он есть любовь и истина, и вера.
Всё остальное — лютая химера,
Иллюзия небытия. Цветы —
Лишь слабый отголосок Красоты,

Которая сплетает каждый миг
В бытийстве света лучезарный лик
И связывает разделённость звёзд
Гармонией, влекущей жизнь и рост

К звучанию Божественного Слова...
Взгляни: Земля для семени готова,
Оно войдёт в неё когда-нибудь,

И пробудится в спящем Иегова.
Да станет ветер во все пределы дуть!
Он — гнев и радость мира, Сущий, Суть.

7

Он — гнев и радость мира, Сущий, Суть.
Он мыслит мир, творя одновременно;
Ведь сами мы: наш облик, жизнь и путь
Есть мысли Бога. Люцифер надменно

Взирает на земную жизнь. Проклятьем
Он ощущает человечьи дни,
Считая жизнь сомнительным занятием
Для Божьего творенья. «Отдохни, —

Зовёт он нас в безоблачную высь, —
Отдайся небу, человек. Химера
Есть тело твоё грешное. Наймись

В моё ты войско в ранге офицера...»
Но кто-то рядом шепчет мне: «Смирись!
Неизмеримый, Он — число и мера».

8

Неизмеримый, Он — число и мера.
Он каждый атом в мире рассчитал.
И потому прогнал Он Люцифера,
Что логике противиться тот стал.

Хотел он в строгость и логичность Слова
Вписать хаоса зыбкий фейерверк,
Забыв о том, Кто в мире есть Основа
Всех сочетаний бытия. Отверг

Создатель мира гордого повесу:
С тех пор горит рубаха на воре.
Он, подчиняясь собственному весу,

Огнём пронзает сумрака завесу...
Открыв сердца сей драме и игре,
Мы собрались, как прежде на Горе.

9

Мы собрались, как прежде на Горе.
В наш тесный круг нисходит сумрак ночи.
«От тайного соблазна в звонаре,
Прошу Тебя, избавь нас, Авва Отче!»

Мы скорби мира, все его печали
Не растрезвоним по семи ветрам,
Что с тьмою нас когда-то обвенчали,
Дав в утешенье рукотворный храм.

Хирам Абиф для Соломона свят
Огнём, которым дух его объят
Во время стройки. Наша жизнь базарно

Сужает воли благородный круг
В ничтожное небытие. Как вдруг
Нам небо приоткрылось светозарно!

10

Нам небо приоткрылось светозарно:
В раскрытые ладони лёг янтарно
Святого Рождества волшебный свет.
Мы, преклонив колени, ждём ответ.

Все Святки простоим внимая Небу,
Как элевзинцы — Аполлону-Фебу,
Моля звезду погасшую: свети!
Хоть на мгновенье Бога воплоти

В земную тьму рассудочного тела
Простого человека. Нет нам дела
До глупых дрызг в безвыигрышной игре

Всех цезарских команд, когда взлетела
Душа туда, где виден путь заре,
И Солнце блещет ночью в декабре.

11

И Солнце блещет ночью в декабре.
И ветхий мир нацелен в пробужденье.
И замерло в святой своей игре
Великой сцены вщее движенье.

Я выхожу опять на эту сцену;
И, прислонясь к дверному косяку,
Ловлю во тьме, познав былому цену,
Что приключится на моём веку,

Что тысячу биноклей сумрак ночи
На рыцаря из лож наставит вновь
Всем блеском света... Знаю, Ты лишь, Отче,

Там пробуждаешь радость и любовь.
Там среди туч на каменной горе
Вверху готовят боги путь заре!

12

Вверху готовят боги путь заре,
И на вершине снега к той поре
Всё замели до высшего предела.
Жизнь замерла, но в домике горела

На столике монашеском свеча,
Сквозь бытие навьлет свет меча...
И в темноте, в безрадостной печали,
Те светлячки надежду излучали!

А там, внизу, завистливая мгла
Среди руин дворцов былых легла;
Внизу толпится хаосом бездарно

Рой зыбких множеств проявлений зла;
Внизу торгуют бытием базарно;
Внизу, у князя тьмы, коптят ударно.

13

Внизу, у князя тьмы, копят ударно,
Железным ритмом будоража твердь.
Владычица снегов — немая смерть —
Из нор, из-за углов следит коварно

За каждым жестом рыцаря. Ему
«Быть иль не быть» решать опять придётся;
Фортуна, как и прежде, отвернётся,
Когда к кресту он выйдет своему:

До той поры сомнительная цель
Стряхнёт с себя покров высокопарно,
Как только соловья умолкнет трель.

Убийца ждёт. Назначена дуэль.
На сцене тишина творит бездарно.
Внизу толпа волнуется базарно.

14

Внизу толпа волнуется базарно:
Торгуется заботливая ложь
О голове героя. Ночь товарна,
И в этом смысле день на ночь похож...

Случайный путник, робкий обыватель
В ту пору мимо сцены проходил.
Один лишь он заметил, что старатель
Там золота крупницы находил:

Как из песка речного намывал он
Его из суеты земной. Как мало,
Воистину, даёт нам рабский труд!

Так пусть конец героя — лишь начало
Того, что в мир любовь несёт как суд:
В руках Господних золотой сосуд.

15

В руках Господних золотой сосуд:
Он блеском просветляет тьму земную.
Господь один осуществляет суд,
Вершит судьбой и жизнь даёт иную.

Он — творчество; Он — действие; Он — путь,
Он есть любовь и истина, и вера.
Он — гнев и радость мира, Сущий, Суть.
Неизмеримый, Он — число и мера.

Мы собрались, как прежде на Горе.
Нам небо приоткрылось светозарно,
И Солнце блещет ночью в декабре:

Вверху готовят боги путь заре!
Внизу, у князя тьмы, копят ударно;
Внизу толпа волнуется базарно.

VII

СЕЙ МИР

1

Внизу толпа волнуется базарно:
Торгуются, меняются, спешат...
Устроен быт среди людей товарно —
Торговцы ныне судьбами вершат.

О, деньги, деньги! Их дурная слава
Дошла до самых ветхих уголков.
Над золотом чахнет царь. Его держава
Стенает болью всех своих веков.

У князя мира нет иных желаний,
Как стать владыкой всех людских заклятий
И ложь свою облечь в святую быль...

Я меч несу познания и желаний,
Навстречу мне сквозь пламенный ковыль
Копыта лошадей взбивают пыль...

2

Копыта лошадей взбивают пыль,
И облако разбуженного пепла
Въедается в людей, в овец, в ковыль
И в каменные глыбы. Не ослепла

Во тьме дурмана лишь одна душа,
Единственная в царстве Аримана.
Не даст она за царство ни гроша,
Ни цента, ни копейки. В мир обмана

Она идёт с карающим мечом.
Иллюзия ничтожна и вульгарна...
Все реки начинаются ключом

И изливаются в моря... О чём
Небесная извилистость кошмарна,
Земная гладь нема и светозарна?

3

Земная гладь нема и светозарна.
Я в поле воин, — вновь один за всех.
Вначале было Слово, и успех
Его деяний — в том, что в мире тварно.

Весь мир, всё бытие сотворено
Единым доначальным изначала
Лишь Словом, лишь Творением. Молчала
И в веществе и в духе до Него

Вселенная. Когда же Он явился,
Вначале Всетворец определился,
Из небыли исторгнув Слово-быль.

Я вышел в степь. Мой конь остановился...
Что наше счастье? — Только блеск и пыль...
Степь — это Солнце, нимб его — ковыль.

4

Степь — это Солнце, нимб его — ковыль.
Его деянье — свет, а слово — былль.
Оно есть Я в своём начальном виде,
Корона Зевса, память об Аиде...

О, Герцелойда, сыну твоему
Ещё не раз придётся одному
В степи сражаться с войском супостата...
И нет в бою подмоги, друга, брата,

И некому мне спину защитить,
И некого о милости просить...
Грядя холмов к степи воздвиглась круто

И тень от них чадит и просит пить.
Здесь бьёт сомненьем каждая минута,
Здесь в тёмном отраженьи нет приюта...

5

Здесь в тёмном отраженьи нет приюта:
Всё на виду, на сцене, под стеклом,
И редко приключается минута
Укрыться за кулисами. Вedom

Весь этот мир умелым режиссёром.
Он знает всё на сто шагов вперёд.
Он знает всё... Но не бывать актёром
Ему вовек... Не перед ним ревьёт,

Беснуется в надломленном экстазе
Толпа слепых болельщиков... Молчи,
Сомкни уста, актёр, на альфе, азе

И далее: ни-ни... Забудь о фразе!
Здесь, видишь сам: ни лампы, ни свечи;
Здесь нет ночлега путнику в ночи.

6

Здесь нет ночлега путнику в ночи.
Здесь путник сам — огонь и воск свечи.
Самим собою освещает сцену
Среди крошечной тьмы актёр. На смену

Ещё не скоро новые придут
Шуты и миннезингеры... Введут
Ещё не скоро нового героя
В новозаветный мир, в котором Троя —

Лишь сказка для детей, и Прометей —
Красивый звук в потоке новостей
В эпоху Апокалипсиса... Круто

Закручены болты Вселенной всей:
Когда в степи война — не до уюта.
Пастушья келья эта степь — каюта...

7

Пастушья келья эта степь — каюта
Видавшего просторы моряка,
Которому каюта велика,
А степь мала и в келье нет уюта,

Мал океан, микроскопично море,
Но бесконечен малый окоём,
Иллюминатор в трюме, где вдвоём
Два моряка сцепились в разговоре...

Два демона сцепились в перепалке,
Деля добычу в сумраке ночи.
Замри душа и не ходи к гадалке!

Я знаю все слова её... Молчи!
И наблюдай, как в корабле-качалке
Сидит моряк до срока на печи.

8

Сидит моряк до срока на печи,
Чтоб в плавь пойти по морю не до срока,
Но в тот момент, когда свои мечи
Герои обнажат по воле Рока.

О, гордая владычица моя,
Твой звонкий смех — в раскатах небосвода,
Тебя одну в свой мир впускаю я,
Невольница души моей, Свобода!

Лишь твой я голос слышу по ночам
И трепет крыльев лёгких у порога...
Ты знаешь цену срокам и печам,

Ты знаешь то, что как в ножнах мечам
Безвременье печи моей убого;
Но тридцать лет судьба отмерит строго.

9

Но тридцать лет судьба отмерит строго,
И озарит рассвет черту порога;
Рога у чёрта претворятся в пень.
Заблещёт Солнце; с ним наступит день.

Восстав с печи, надену я кольчугу
И, поклонившись дому, пашне, плугу,
Враз оседлаю верного коня
И поскачу туда, где ждут меня,

Где нужен я, где меч мой златосильный
Развеет колдовство и прах могильный,
Где надо мной уже вершится суд...

Домчит меня до моря конь двужильный,
На корабле ветра меня спасут,
И волны судно к берегу принесут.

10

И волны судно к берегу принесут.
И там, на берегу — он пуст и крут —
Я обрету искомое познание:
Сомнением и безводем испытание.

Отрезанным от мира и забот
Увижу я с береговых высот
Себя в трёхкратном отражении моря,
В бурлящем пепле радости и горя.

За всё, в чём был и буду виноват,
Протянется судьбы моей канат,
И я пойду под патронажем Бога

Туда, откуда нет пути назад.
На бреге том — начало эпилога.
На бреге том невидима дорога...

11

На бреге том невидима дорога,
Но я её по памяти найду
Или увижу в отраженьи Бога
Родную путеводную звезду,

Которая меня из лабиринта
Обманных чувств и мыслей извлечёт.
И станет эстафетой подвиг спринта,
И вновь поток над пеплом потечёт!

На бреге том воистину немного
Нашёл бы для себя иной мудрец,
Которому биение сердец

Не скажет ничего... Там так убого!
Но, говорят, там строили дворец,
Там находили след единорога...

12

Там находили след единорога,
Там много побывало игроков
Из самых отдалённых уголков,
Но ни один из них не ведал Бога.

На каждый философствующий крик
Найдутся семь зеркальных отражений,
Двенадцать возбуждённых возражений,
Ночной колпак, припудренный парик...

И там, где мы порой не замечаем
Лежащего перед глазами, суд
Уже свершился. Нам его за чаем

В удобной упаковке подадут.
Но в том краю рассвет неизмельчаем...
Под небом там овец мирских пасут.

13

Под небом там овец мирских пасут,
Над морем паруса свои несут
Отважные баркасы и фрегаты,
А мы путём и истиной богаты:

За стадом никогда мы не пойдём
И в кораблях спасение найдём...
Итак, нам чужды оба вида рабства:
Мы далеки от спорта и от папства...

У каждого из нас копьё и меч
Неповторимы так же, как и речь,
Наполненная тишиной познания.

В подземном мире цепь для нас куют,
Нам на Земле готовят испытанья,
На небе — Солнца справедливый суд.

14

На небе — Солнца справедливый суд,
А на Земле историю несут
На кладбище, на свалку, в крематорий
Под сладостный экстаз лабораторий...

Из любопытства гениев сжигают
Во мраке академий, в тьме наук.
На догме паутину свил паук.
Теперь *ему* все жертвы возлагают...

Идёт, идёт в душе неравный бой.
Карающей и любящей рукой
Меж двух миров сражается поэт:

Застыл дракон, прищуря глаз коварно.
Вверху гремит раскатом Слова свет.
Внизу толпа волнуется базарно.

15

Внизу толпа волнуется базарно.
Копыта лошадей взбивают пыль,
Земная гладь нема и светозарна.
Степь — это Солнце, нимб его — ковыль.

Здесь в тёмном отраженьи нет приюта.
Здесь нет ночлега путнику в ночи.
Пастушья келья эта степь — каюта:
Сидит моряк до срока на печи,

Но тридцать лет судьба отмерит строго,
И волны судно к берегу принесут.
На берегу том невидима дорога.

Там находили след единорога.
Под небом там овец мирских пасут,
На небе — Солнца справедливый суд.

VIII

ГЕЛИОС

1

На небе Солнца справедливый суд
День ото дня вершится. Год от года
Открыт для воздаяния сосуд
Познания человеческого рода.

Реальней книг, природы, бытия
Он расставляет золотые сети
Среди глубин Вселенной. Это — я,
Проснувшийся на утренней планете.

Я изучаю бытие своё
Сквозь рост пшеницы. Светлое копьё
Направлено во тьму к деяньям новым.

Вокруг меня летает вороньё.
А тот, кто одержим вселенским зовом,
Удачу предвещает верным вдовам.

2

Удачу предвещает верным вдовам
Прекрасный голос. Вопреки покровам
Всех тайных знаний он открыт и чист,
Его источник светел и лучист.

Он — Люцифер, сорвавшийся на Землю,
Которого я разумом приемлю;
Он — Прометей, прикованный к скале.
К нему по морю я на корабле

Иду под парусами цвета крови
Из прошлой тьмы во тьму грядущей нови.
Я совершаю личный самосуд.

И мне в ответ с небесной изголови
Сверкает знаньем золотой сосуд.
Сюда, в сей мир исход его несут.

3

Сюда, в сей мир исход его несут
Весёлые пажи, шуты и слуги
Молчанием разрезанной белуги.
Да будет гром! Да совершится суд!

Что мне труда чужого твердь и зёрна?
Хочу я сам себя пересоздать.
И повести во тьму земную рать
Испив настой из молодого тёрна.

Терновника кусты не могут лгать:
Растению святому вновь не спать
Во тьме ночной подобно белым совам

И собственное имя проклинать,
И снова ждать, когда придут к основам
На смену подаяньям и оковам.

4

На смену подаяньям и оковам,
На смену поединкам и судам
Придёт сомненье. Я ему придам
Взрывной характер. Быть всегда готовым

Задать вопрос циничный и жестокий,
Догматика размазав по стене,
О смысле жизни, о её цене
И о себе в крутом её потоке...

Задать вопрос... Когда-нибудь случится
В потоке этом мне остановиться.
Блеснёт ответом в Рыбах Водолей...

И я пойму, что мне пора учиться:
Учиться слышать среди шума дней
Двенадцать золотых учителей.

5

Двенадцать золотых учителей,
Двенадцать ликов солнечного диска
Меня наставят темнотой церковей
И сухостью степного тамариска.

Они дадут мне новую скрижаль,
Пронизанную ясным светом мысли,
Откроют путь в неведомую даль,
Что будет мной когда-нибудь исчислен.

Число и знак, теория и быт,
Огромный мир, что на заре умыт
И облачён в уютный плен покрыва

Да обретут во мне познания стыд,
Стыд рыбака в узнании улова
Всеумудрого, вселюбящего Слова...

6

Всемудрого, вселюбящего Слова
Не ведали бы вовсе мы. Но снова
В покровах мира, из его тенет,
Из самых тёмных мест лучится свет!

Да будет свет! — Иссушенные жаждой
Твердят уста, стремясь из вещи каждой
Извлечь хоть каплю Божьей красоты:
Живой росы познания и мечты.

Фантазия — единственное средство
Преодолеть тяжёлое наследство
Земных дорог, невзгод души моей

И падших мыслей мрачное соседство.
Да будет свет! Из сумрачных полей
Идите в море, рыбаки, смелей!

7

Идите в море, рыбаки, смелей!
Забросить сеть — великое искусство!
Душа моя, в себе преодолей
Слепую страсть и оглушённость чувства;

Не расточай напрасные слова,
Будь лаконична, продвигаясь к цели.
Ты — светлого младенца голова,
Глядящая из Божьей колыбели!

Ловись же человек велик и мал,
Плыви на свет из вод, со дна морского.
Ты слишком долго, человече, спал

И рыбаков во тьме не распознал...
А вы, друзья мои, не бойтесь Слова, —
Расставьте сеть для славного улова!

8

Расставьте сеть для славного улова!
И тихо выжидайте до утра,
До той поры, когда начнут ветра
Срывать за слоём слой кору покровов.

Вглядитесь вдаль, вы видите: из тьмы
Навстречу нам по зыбкой водной глади
Луч за лучом, как письма в тетради,
Скользит-летит косяк ответов. Мы

Должны собрать йероглифы в корзину,
Накрыть сукном, расправить гордо спину
И развернуть ладью свою домой:

Опять назад в суровую долину,
Где нам помогут в тяжести земной
Терпение, старание, покой.

9

Терпение, старание, покой
Отныне будут нам учителями:
Умелой и уверенной рукой
Свой путь очертим на земле углями.

Корзину с иероглифами в срок
Доставим ко дворцу. Её там встретят
Как чудный дар, Божественный оброк,
А нас в пылу восторга не заметят...

Нам и не нужно... Лишь бы дар признали
И в нём себя как в зеркале узнали,
И закивали царской головой...

А мы надели б новые сандали...
И пусть костры мечты моей живой
Придут на смену боли вековой.

10

Придут на смену боли вековой
Подвижность игр и мимолётность счастья.
А вдоль руин бывшего самовластья
Помчится с гор воды поток живой.

Незыблемая лёгкость бытия
Вдруг раздробится тяжестью вопросов,
Которые поставил я шутя
Под всплески волн и крики альбатросов

В дешёвой лодке рыбака Тому,
Кто спас меня однажды... Принимаю
Я красный плащ и верю, что смогу

Придти на помощь моему врагу.
Я свой ответ найду и оправдаю!
Пусть этот миг я в срок предугадаю.

11

Пусть этот миг я в срок предугадаю.
Пусть буду я готов испить до дна
Всю полноту священной Чаши. Знаю:
В особом смысле мне она дана.

Не дворянин, не основатель рода,
Не проповедник, не аристократ,
Не представитель своего народа, —
Я — только человек, я — друг и брат.

Не нужно мне за тяжкий труд награды.
Награда — дым и прах, а я живой;
Судьба моя: вне стен и без ограды

Воздвигнуть храм в хлеву Иродиады...
Не знал до сей поры рассудок мой
Прекрасней доли, искры заревой.

12

Прекрасней доли, искры заревой
Мне не дано узреть в потоке жизни,
И мужество — служение отчизне —
Лишь шаг навверх по лестнице крутой.

Но этот шаг для рыцаря велик
Не чиновочитаньем и не позой,
Но солнечной во тьме метаморфозой!
Он в эту тьму с таким трудом проник,

Что эта тьма преодолелась вдруг.
Я каждый день теперь рассвет встречаю
Прикосновеньем к Солнцу глаз и рук...

Я Истину зову из моря в круг,
В неё я верю, ей одной внимаю...
Хотя умом её не понимаю.

13

Хотя умом её не понимаю,
И вера так похожа на обман,
Я только эту мудрость принимаю
В обмен за наважденье и туман.

Пусть не богат я избытком фактов.
Дороже мне кристалла строгость форм
И широта степных дорог и трактов —
Взамен номенклатурной догме норм.

Пожертвовав собой, приобретаю
Над собственным чревоугодьем власть.
Теперь меня у Неба не украсть!

Теперь я мир люблю и обнимаю...
Прекрасней тьмы, что низвергает страсть,
Для деланья святого я не знаю.

14

Для деланья святого я не знаю,
Что может быть достойней в этот час:
Твердыня веры, то, чем обладаю,
Иль мысли воздух, что втекает в нас?

Не знаю я ответ пока, но вера
Тогда лишь обретает кровь и плоть,
Когда ближайших мыслей атмосфера
Мне позволяет ночь перемолоть.

Всегда огонь к поверхности стремится
В подземном мире, в чёрном мире руд.
Везде душа — невеста, ученица;

По всей земле её ветра несут.
Во все века воистину вершится
На небе Солнца справедливый суд.

15

На небе Солнца справедливый суд
Удачу предвещает верным вдовам.
Сюда, в сей мир, исход его несут
На смену подаяньям и оковам

Двенадцать золотых учителей
Всемудрого, вселюбящего Слова...
Идите в море, рыбаки, смелей!
Расставьте сеть для славного улова!

Терпение, старание, покой
Придут на смену боли вековой.
Пусть этот миг я в срок предугадаю:

Прекрасней доли, искры заревой,
Хотя умом её не понимаю,
Для деланья святого я не знаю!

IX

ДАР ЗЕМЛИ

1

Для деланья святого я не знаю
Другой Земли, другого бытия.
Огонь Сатурна твердью стал. Пронзаю
Твердыню мира жизни духом я.

Ведь жизнь всегда растению подобна.
Она цветком стремится к Солнцу ввысь...
Есть в каждой твари солнечные зёрна.
Душа моя, скорее пробудись!

Ты лунный свет преобрази настолько,
Чтоб Солнцем засиять среди теней.
Земная жизнь — портняжная иголка,

В которой нить Божественного шёлка
Ткёт полотно в несчётном ритме дней
Исчисленных законов и идей.

2

Исчисленных законов и идей
Познал немало я в трудах ученья,
Лишь об одном мечтаю: меж людей
Найти к познанию очаги влеченья,

Чтоб там сиял неугасимый свет
Творящей путь, сквозь тьму несущей воли...
Я цель свою поставил, и ответ
Когда-нибудь взойдёт из пепла боли!

В кругу больших и малых величин
Цепь образов, обличий и личин
Я формулой закона обнимаю

И в скорбной мгле невидимых причин
Покров познания, как хитон, снимаю:
Я числа разуменьем принимаю.

3

Я числа разуменьем принимаю.
Их ясный смысл — в движении планет.
В числе я красоту переживаю
И в формуле угадываю свет.

Не геометр останется за бортом
Познания и истины ладьи,
Снесённый в океан простейшим ортом,
Простейшей синусоидой. Судьи

Не знаю справедливее и строже
Того, кто в числах толк постиг. Но, Боже,
Помимо траекторий и путей

Средь океана — множество ладей...
И среди них, один из них, прохожий, —
Душою принимаю я людей.

4

Душою принимаю я людей.
Открыт для всех и каждому обязан...
Судьбой своей, заступницей моей,
С которою на перекрёстках связан

Я золотою нитью прошлых зим,
Полночных солнц... Не высказать об этом...
Мужчина может быть неотразим,
Не будучи провидцем и поэтом...

Поэтому не надо громких слов.
Слова — пусты, в них не найдёшь причину:
Зачем во тьму судьба своих послов

Упорно посылает... Свой улов
Когда-нибудь я выброшу в пучину.
Возьму копьё и алый плащ накинута.

5

Возьму копьё и алый плащ накинута.
И в ночь уйду... Бездонную пучину
Полночным Солнцем одарит восток,
По руслам рек озолотится ток,

Теплеющей в его лучах лазури,
Впитавшей мощь и вероломство бури,
Ещё недавно бившейся о лёд
Громадной рыбой заповедных вод.

Уйду навек в страну теней и бликов
В сон холода из бытия огня.
Из обликов — во тьму обманных ликов,

В безмолвье льда и крепость сердоликов...
Копьё своё немного наклона
Коротким взмахом подстегну коня.

6

Коротким взмахом подстегну коня.
Широким взмахом дам плащу свободу.
С копьём наперевес, не зная брода,
Вступлю в поток, не ведавший меня.

До сей поры не знала тьма сиянья,
Не ведала лазурь таких лучей.
Двуарочье натруженных очей
Устало ждать в пустыне подаянья...

И вот слеза, блеснув по склону скул,
Оставит след и увлажнит щетину...
Меня мой вещей сон не обманул...

Да будет посему... Услыша гул,
Закрыв забрало, подтянув пластину,
Я выпрямлю как шест тугую спину.

7

Я выпрямлю как шест тугую спину.
Вперёд и вниз — до роковой черты.
Лицом к лицу навстречу господину,
За кем как шлейф: кресты, кресты, кресты...

Он к Моцарту явился не случайно
И Пушкину определил дуэль.
Я знал его нечаянно и тайно,
Постигнув облик, жизнь его и цель.

Он — тоже на коне и так же с пикой...
Смеётся ворон, глядя на меня:
Что знаю я о магии великой?

А может, я ошибся в гонке дикой,
Вонзившись в тьму неведомого дня,
Вступив на путь отваги и огня?

8

Вступив на путь отваги и огня,
Что из высоких далей жжёт меня,
Я поступаю правильно и точно,
Войдя в сей мир открыто и полночно.

Тот чёрный господин немного прав,
Что я его тщеславие поправ,
Слегка и сам в дороге возгордился,
Но вовремя от дрёмы пробудился.

Не действует теперь его гипноз,
Его не слышу я, ему не внемлю.
Копьё наперевес и — нос на нос!

Вот и ответ! А следом вновь вопрос:
Быть иль не быть? — Не знаю, но приемлю:
Разжечь огонь и освятить им Землю.

9

Разжечь огонь и освятить им Землю:
Да станет свет во тьмах померкших душ!
Я знаю смерть... Её в себе объёмлю
Судьбой, скелетом среди мышц... И муж,

Что верен был единственной на свете
Прекрасной даме в ореоле роз, —
Всего лишь тень и память о поэте,
Что плёл стихи, учась у вешних гроз...

Я с двух сторон вхожу в свою судьбу:
Как сын богов я отвергаю Землю, —
Тяжёлый крест полёту моему...

Но радостно уставшему горбу
Его нести! Любви прозревшей внемлю:
Я — сын Земли, её как мать приемлю!

10

Я — сын Земли, её как мать приемлю;
И в матери я прославляю Землю.
Я ехал к ней, бежал, летел и шёл
И в этом беге наконец нашёл

Высокий знак неведомого смысла,
Что некогда, да подтвердят то числа,
Я за свободой снарядил коней...
Свобода — мать, и нет её нежней

И строже нет, и справедливей — тоже.
Я без неё — на всех других похожий,
А с нею — я один. И понимать

Хочу я всех и каждого: прохожий —
Один за всех любить и пробуждать!
И ты — моя Земля — родная мать.

11

И ты — моя Земля — родная мать,
Наполни влагой вождеденной чашу
И отрави меня! Не в силах ждать
Я больше разрешенья битвы... Нашу

Поэзию нельзя назвать щитом
От стрел и ядов бургерского быта.
Но речь идёт воистину о том,
Что истина поэзии забыта.

Ведь истина поэзии — одна:
С небес на землю ткацкая игла,
Что нитью строф дрожанье сфер объемлет,

И в ткани этом благодать дана.
О, мать Земля, твой дух меня приемлет!
О, Герцелойда, разум твой не дремлет.

12

О, Герцелойда, разум твой не дремлет:
Он бодрствует и предсказаньям внимлет.
Как бледен текст известных всем сивилл
В сравненьи с тем, что дух твой осветил!

Увы, нельзя оставить на бумаге
Дух вещего огня, как в саркофаге
Был некогда оставлен фараон
Не до конца умершим... Не закон

Твои дела определяет ныне,
Но долгий путь по полю, по пустыне,
Где главная опасность — не узнать

Попутчика единственного в сыне...
Ты бодрствуешь. Ты научилась ждать.
Но сердце спит, ему не осознать.

13

Но сердце спит, ему не осознать
Всех этих тайн, хитросплетений̄ духа...
Но, может быть, в один из дней̄, как знать,
Оно проснётся и коснётся уха,

И ритм его на тысячу ладов
Сияньем звёзд и Солнцем проглаголит
И на ветвях лазоревых садов
Прекрасной̄ песней̄ соловья поволит

Мечту свою о красоте предвечной̄
Душой̄ ранимой̄, хрупкой̄, человечной̄,
Которую ни взвесить, ни продать...

Принять её как есть: простой̄, беспечной̄.
Я за неё... Не знаю как сказать...
Всей̄ меры̄ жертвы, что готов воздать...

14

Всей меры жертвы, что готов воздать
Я истине, — не знает исчисленье.
У истины особенная статья:
Чем больше знаешь, тем сильней стремленье

Узнать ещё... Мой ненасытный дух
Ведёт без остановки и предела...
Для истины Земля всего лишь слух,
Как для души в пределах жизни — тело.

Час расставанья близок... Целый век
По всей Вселенной: холод, ветер, снег...
Но кровь жива, и я не замерзаю;

Ведь лучшего, что может человек
В своём пути к потерянному раю,
Для деланья святого я не знаю.

15

Для деланья святого я не знаю
Исчисленных законов и идей.
Я числа разуменьем принимаю,
Душою принимаю я людей.

Возьму копьё и алый плащ накинута,
Коротким взмахом подстегну коня.
Я выпрямлю как шест тугую спину,
Вступив на путь отваги и огня.

Разжечь огонь и освятить им Землю:
Я — сын Земли, её как мать приемлю!
И ты — моя Земля — родная мать.

О, Герцелойда, разум твой не дремлет,
Но сердце спит, ему не осознать
Всей меры жертвы, что готов воздать.

Х

ДАР ГЕРЦЕЛОЙДЫ

1

Всей меры жертвы, что готов воздать
Твой сын Отцу, не ведало Творенье.
Что может тело духу передать,
Как не любви святое претворенье?

А что любовь? — Она в любом из нас
Смиренною вдовою ищет сына.
Он некогда наш мир от смерти спас
И где-то рядом... Юноша, мужчина,

Иль седовласый старец у свечи
Пред алтарём в лампадный воздух душный
Вплетающий молитву... Хлопчи,

О, мать моя, о том, чтобы мечи
Схлестнулись в срок... Заветам сим послушный
Твой взрослый сын, ребёнок простодушный.

2

Твой взрослый сын, ребёнок простодушный
Не для тебя в пустыню держит путь,
Но для заблудших душ... Он, безоружный,
Покинет дом. Его уж не вернуть.

Добудет он в неравном поединке
Свои доспехи, щит, коня и меч.
История — лишь глина на ботинке,
Но дух её — деянье, мысль и речь!

Творима не по призрачным законам,
Не по войны наследственным канонам
Но из конкретных жизней, что вставлять

Судьба не устаёт во тьме по тронам...
Но замысел её — не осознать,
Не вычислить, рассудком не понять.

3

Не вычислить, рассудком не понять
Творимого судьбой на поле битвы...
Лишь в отзвуке отчаянной молитвы
Содержится намёк на благодать,

На ощущение знания путей,
Что изначально неисповедимы,
Что нас зовут в неведомые зимы
И увлекают мороком затей.

Но золотому тканью нет конца.
Нам не постичь предмыслия Отца...
Мир современных знаний равнодушный

Источника не ведает венца.
И сквозь сыновний норы непослушный
Огонь любви поток несёт воздушный.

4

Огонь любви поток несёт воздушный,
И парус вновь бежит от корабля,
Влача его... Так вертится Земля,
И дух её бесхитростно-пастушный

Идёт за Пастухом своим незримым,
Влекомый Им как парусом фрегат
Не слепо «на авось», не наугад,
Но ясным светом дня приободримым.

Любовь первее всякого начала.
Она была ещё до всех начал.
Она Творенью первое встречала

И первого Творящего венчала...
И нынче там, где камни Бог сковал,
Вздывает океан за валом вал.

5

Вздымает океан за валом вал,
Шумит и бьёт в береговой провал,
В беззубье фьорда скошенного зева
Размеренно-прадревней мощью гнева.

Европа спит, как малое дитя,
Что бабушку однажды навестя
Объелось с голодухи вкусной сдобы
И завалилось спать... Но тень хворобы

Легло во сне на нежное лицо.
Пришла беда на бабкино крыльцо.
Она зовёт целящую подругу.

И та сказала, глядя сквозь кольцо,
Что проку нет ходить босой по лугу:
Твердыню одолеть дано лишь плугу.

6

Твердыню одолеть дано лишь плугу
За малую хозяйскую услугу:
С утра пораньше землю разбудить
И дать скорей̆ иссохшим нивам пить.

Я — сын вдовы. Смешное нареканье...
Оно горит. В нём светится закланье,
Где агнец̆ перед алтарём предстал.
Тебя, вдова, Всевышний̆ испытал

На прочность сил незнания и смирения
В преодоленьи гордого боренья,
Что Он в тебе однажды осознал.

И ты сдала экзамен. Нет сомненья:
Узнала ты лица Его овал —
Того, кто поле тёмное познал.

7

Того, кто поле тёмное познал
И слился с ним собой, конём и плугом
Твой взрослый сын однажды увидал
Целителем, что борется с недугом

И, над уснувшей девочкой склоня
Свой благородный лик, взирает строго
И обжигает существом огня,
Соединяя соль земли и Бога.

Так отпусти тревогу и печаль,
Отрежь дорогу скорби и недугу,
Открой в себе неузнанный Грааль

И к солнечному берегу причаль,
И выйди к замку, к огненному кругу
Того, кто рад и недругу и другу!

8

Того, кто рад и недругу и другу
Не раз видал я в поле за сохой.
Не раз, не два бежал за ним по лугу
В лаптях, в ботинках, в валенках, босой,

Но никогда не мог за ним угнаться:
Ведь Он пахал, как-будто бы парил.
Немудрено мне было обознаться...
Как вдруг однажды Он заговорил

И проглаголил истину такую,
Что с той поры о многом я молчу,
И всякий раз во многом я рискую,

Когда теперь о бытии толкую...
Но кто же Тот, Кому судьбой плачу?
Кому же я вопрос задать хочу?

9

Кому же я вопрос задать хочу?
Кто дал мне волю к знанию и мечу?
Кто он: слуга, творец иль повелитель,
Весёлый шут иль сумрачный мыслитель?

Не ведомо... Не знаю я пока,
За кем иду вовек из Далека,
От самой колыбели, от порога,
От рога пробуждённого до Бога...

Иглу нельзя без нити обронить:
Нужна не только в штопке эта нить.
Она от Ариадны к Адонаю

Ведёт во мгле... Её не заменить...
Так где же Тот, во имя чьё страдаю,
Кого из миллионов я узнаю?

10

Кого из миллионов я узнаю?
К кому иду сквозь сумрак лет по краю
Незримой бездны. Долго, тяжело,
Как в мёрзлый грунт долбящее кайло

Упорно высекает путь, иду я
Несокрушимый бредом ветродуя.
И голову иезуиту с плеч
Снесёт моё терпение: не меч,

Но благодать, что не от человека,
А от Христа даруется из века
В век огнемудрым гимном трубачу,

Кому собор, престол, пинакотека
Лишь сопричастность к нимбу и мечу
Того, Кому я брат, о Ком молчу.

11

Того, Кому я брат, о Ком молчу,
Я издали увижу. К Иордану
Я никогда спускаться не устану
И подниматься вновь к его ключу.

У мира три пути, один закон.
У Бога путь один и он логичен.
Бог триедин, и человек троичен
В единстве «Я». Подобен Богу он

Невыразимой логикой деяний
И жертвенным огнём солнцестояний
В своей любви к Ничто. Я не хочу

Быть только телом и душой. Я знаний
К Тому отныне в духе получу,
Кому зажгу последнюю свечу!

12

Кому зажгу последнюю свечу, —
Он знает всё, лишь я Его не знаю,
Лишь смутно чую, веря, что узнаю,
Когда однажды нечто получу.

Я это Нечто звал, во тьме моля,
Искал в лесах дремучих и в пустыне,
Во льдах полярных и в степной полыни,
В алмазном блеске, в черноте угля...

Найду ль его? Преобразиться ль ртуть?
Иль творчество моё лишь заблужденье,
Тщета, пустое времяпровожденье?

Случайно ли я выбрал этот путь?
Сомнения я жертву выбираю
Тому, в Ком я бессмертьем умираю.

13

Тому, в Ком я бессмертьем умираю,
О, Герцелойда, принеси свой дар:
Плоды любви и мудрости... По краю
Идти привыкли души, и пожар,

Что в каждую эпоху косит жизни
Солдат на поле битвы, не унять
Лишь красотой речей. На новой тризне
Нам вновь в нарядах траурных стоять...

О, мать моя, раскрой пошире очи
И восприми мирскую круговерть!
Пусть сны твои, пусть все земные ночи

Из смерти возродясь воздвигнут твердь
Волящей жизни. Дар твой открываю
Тому, кого люблю и понимаю.

14

Тому, кого люблю и понимаю
Я глубину молитвы открываю.
И ты, душа, у пламени свечи
Открой глаза и громко промолчи

О том, что боль не ведает предела
И мучает, как инквизитор, тело,
О том, что мир достался палачам:
Истерзан он, разъят по мелочам.

Унынье духа — преступленье века.
Его мы совершаем всякий раз,
Когда за тьмой материальных масс

Не отделяем свет от человека.
Воистину, мне не предугадать
Всей меры жертвы, что готов воздать.

15

Всей меры жертвы, что готов воздать
Твой взрослый сын, ребёнок простодушный,
Не вычислить, рассудком не понять.
Огонь любви поток несёт воздушный,

Вздымает океан за валом вал.
Твердыню одолеть дано лишь плугу
Того, кто поле тёмное познал,
Того, кто рад и недругу и другу.

Кому же я вопрос задать хочу?
Кого из миллионов я узнаю?
Того, Кому я брат, о Ком молчу,

Кому зажгу последнюю свечу,
Тому, в Ком я бессмертьем умираю,
Тому, кого люблю и понимаю.

XI

ДА БУДЕТ БОЙ !

1

Тому, кого люблю и понимаю,
Хочу задать единственный вопрос:
Зачем душой я в тело проростаю,
Хотя в познание духом не пророс?

Ужель так важно пребывание в теле,
Когда душа несведуща во тьме,
И дух лежит, прикованный к постели,
Во всём доверяюсь Кифе и Фоме?..

Зачем живу, как не для исцеления
От летаргии духа, от коварств
Ослепших чувств? Достать хочу лекарств

От лунного греха без промедленья!
Пусть навсегда моя открыта грудь
Тому, Кто Жизнь и Истина, и Путь.

2

Тому, Кто Жизнь и Истина, и Путь,
Коль мог, открыл бы душу, дух и тело...
О, мать моя, скорее всё забудь
И помни лишь своё святое дело!

Ты, внучка Титуреля, ты, жена
Служившего престолу Гамурета,
Для сына совершить теперь должна
Нелёгкий путь... Запряжена карета,

Гремят часы на башне у моста,
Что к воротам на краткий миг опущен,
Замок открыт на замке, невод спущен,

И стражники отпущены с поста...
Лишь Истине, лишь свету, — обещаю, —
Я жизнь свою и путь свой посвящаю!

3

Я жизнь свою и путь свой посвящаю
Его пути и жизни... Не прощаю
Я лишь себе... Другим всегда прощу
Я то, за что себе жестоко мщу,

И в каждой новой жизни выбираю
Я изощрённый ад страданий. К раю
Нет у меня стремления прийти
И душу убиенную спасти.

Ведь знаю я: спасутся только те,
Кто вместе с Ним страдает не кресте.
Как далеки от всякой внешней власти

В страдающей душе Христовы страсти!
Пусть бесконечно долг этот путь, —
Я истину найду когда-нибудь.

4

Я истину найду когда-нибудь!
Меня за скупость чувств не обессуть,
О, Герцелойда, солнечные чувства —
Лишь ореол весёлого искусства

Бежать с утра по выпавшей росе
До линии восхода... Все мы, все
На этой неустроенной планете
В житейском бытии всего лишь дети!

Но детское незнание есть залог
Того, что сны — лишь сумрачный пролог
В такое долгожданное рождение,

Как в целом слове — самый первый слог...
Из тысяч встреч одна — Преображенье!
Я — это Он, как в капле отраженье.

5

Я — это Он, как в капле отраженье
Небесной лучезарности, во тьме —
Животворящий Дух... О долге и тюрьме
Вовек не зарекайся... Пораженье

Недаром те владыки испытали,
Кто смел забыть свой первородный грех,
Кто глух для стонов мира как орех
И замкнут в панцирь оружейной стали.

Но я — владыка только над собою,
Мне не нужны вассалы и пажи,
Все власти мира — только миражи,

Нам данные в пустыне дней судьбою.
Я — человек: я — ложе, волны, брег
Всех океанов, всех морей и рек.

6

Всех океанов, всех морей и рек
Не вычерпать до дна. Неисчерпаем
Душевный водоём. Сколь мало знаем
О роднике, чьё имя — человек!

Ни в брод не пересечь его, ни вплавь,
Ни по мосту проехать невозможно.
Лишь до какой-то точки осторожно
В него войти и ждать, покуда явь

Духовная свою протянет нить
Спасительным канатом с небосвода,
И вот тогда пойму я, что свобода

Есть дар небес, с которым жаждет быть
Огонь Земли — в ступнях усталых жженье,
Как в малом вихре — вечное круженье.

7

Как в малом вихре — вечное круженье
Бытийством ограничено... Господь
Творит во мне своё отображенье,
Бытийством ограниченную плоть.

И я стремлюсь из замкнутости плоти
Преодолеть скрижали бытия
И дать свободу солнечной работе
Во тьме бытийства мировому Я.

В круженье этом — жизнь моей вселенной
Заклучена в цепь обазов, в стихи. —
Оно журчит в души моей мехи

Вином любви и мыслью вожденной.
Таит оно себя из века в век
Как в грубом теле — духочеловек.

8

Как в грубом теле — духочеловек
Огонь Сатурна свято сохраняет, —
Так знойным летом нам неведом снег,
Так время до поры разъединяет

Прекрасную невесту с женихом,
Отца — с любимым сыном... Эти чувства
Отмечены, я знаю, не грехом,
Но благородным пламенем искусства,

Что зиждется на ритмах бытия:
Будь то — сердечный пульс или дыханье...
Прилив — отлив... Фантазия моя —

Сверканье крыльев, бабочки порханье!
Дождался я! Вот неприметный знак:
Сомнение — к познанию первый шаг.

9

Сомнение — к познанию первый шаг.
Но на пути — навьюченный ишак,
Тупоголовый раб арбы казённой
И папской воли, догмою пронзённой.

Познание и догма — два врага
Как юный бог и старая карга —
Беззубая, но злобная волчица,
Что над волками всех мастей царица,

Хозяйка их, жестокая жена...
В суде святом циничная вина
И торжество параграфа над духом, —

Собрание, обращённое к старухам...
Собрание кардиналов — хор собак.
Догматик перед истиной — слабак!

10

Догматик перед истиной — слабак!
Дороже для догматика кабак
Иль немощь узаконенного знания —
Чистилище немого ожидания

Закланья духа на алтарь судьбы
Под крики алчных чаек! Если бы
Я мог найти ключи от тела-храма,
То избран был учеником Хирама.

Я этого когда-нибудь добыюсь
В своём дневном или ночном дозоре:
Узнаю всё о тьме и о Клигзоре,

Ведь ничего я в мире не боюсь...
Лучом любви, что в жизни тьму вплетаю,
Я догматичность веры отметаю.

11

Я догматичность веры отметаю:
Наотмашь бью гремучую змею
Остроконечным знанием. В бою
Я опыт бытия приобретаю.

Но что бы в этой битве не случилось,
Я человек неводом ловлю.
Лишь в человеке Бога я люблю...
Чтоб знание, как Солнце в нём светилося

Сквозь все доспехи ратника, скорее,
Душа моя, благослови на бой,
Дарованный единожды судьбой,

Пусть даже мне висеть потом на рее!
Возьми свой меч и сеть расставь, рыбак!
Да будет бой! Скрещенье честных шпаг!

12

Да будет бой! Скрещенье честных шпаг. —
Один за целый мир! Для мушкетёра
Всё войско Ришелье — тупая свора
В гвардейских платьях ряженных собак.

У офицеров поводов не счесть
Вести войну, стяжать себе победы,
Отмстить собакам ряженным за беды
Своей страны, за собственную честь,

Спецслужбами поруганную. Смочь
Мне предстоит сразиться с великаном,
Мир под себя подмявшим истуканом...

Да будет бой! Благословенна ночь!
Я свод закона истиной пронзаю,
Ведь вера — то, что я познавши знаю.

13

Ведь вера — то, что я познавши знаю
И в сердце от рождения ношу
Как плод познания в прошлых жизнях... К маю
Созреет он, и Бога попрошу

Из августа, из огненного жара
Я о любви ко всем моим врагам
В кругу неодолимого кошмара
Житейского неверия... Богам

Отдельных душ, народов, поколений
Неведомо единство бытия,
Которое в цепи преодолений

Хватает мыслью человечье Я.
Мышление любовью обнимаю,
А потому всем сердцем принимаю.

14

А потому всем сердцем принимаю
Я изначальность веры и любви,
Что мысль свою надеждой проплетаю...
Так мудрость возжигается в крови,

И в ритмах жизни просветляет душу
Дыханьем моря в тишине ночной.
Да будет так! Её я не нарушу
Своей судьбой и тяжкою виной

Перед тобою, мать моя родная,
Уйдя из дома твоего навек,
Своим копьём долину тьмы пронзая.

Но как поэт и грешный человек
Я гимны покаяния слагаю
Тому, Кого люблю и понимаю.

15

Тому, Кого люблю и понимаю.
Тому, Кто Жизнь и Истина, и Путь,
Я жизнь свою и путь свой посвящаю.
Я истину найду когда-нибудь!

Я — это Он, как в капле отраженье
Всех океанов, всех морей и рек
Как в малом вихре — вечное круженье.
Как в грубом теле — духочеловек.

Сомнение — к познанию первый шаг.
Догматик перед истиной — слабак!
Я догматичность веры отметаю.

Да будет бой! Скрещенье честных шпаг!
Ведь вера — то, что я познавши знаю.
А потому всем сердцем принимаю.

XII

ДАР ДОРОГИ

1

А потому всем сердцем принимаю
Я океана воды в чаше лет,
Что никогда наверняка не знаю,
Чем обернётся прошлого послед.

Слежу сквозь клеть железного забрала
На веки жизни матери моей, —
Вот: только что в саду она играла
Среди таких же маленьких детей.

А здесь: она меня уже качает
И песенки забавные поёт,
И на вопросы тихо отвечает,

И в простоте святой не замечает
Столь непростого тканья переплёт, —
Своей судьбы неутомимый гнёт.

2

Своей судьбы неутомимый гнёт
Для каждого — аптекарская мера,
Что на весах Всевышнего даёт
Оценку нашим глупостям. Химера,

Как образ на парижском Notre-Dame,
Уже восстала из пелёнок быта,
В котором погребён былой Адам,
И Ева — как жена его — забыта.

Двадцатый век не вымолвит слова
Раскаянного Каина... Я знаю...
И в двадцать первом — тьма и покрыва

Лежат на древней мудрости. Права
Беззубая Сивилла... Принимаю,
Что счастья нет в земном теченьи к раю.

3

Что счастья нет в земном теченьи: к раю
Мы не придём в сплошном потоке дней, —
Познали мы давно в кругу огней,
Сверкающих нам вдоль тропы по краю

Бездонного обрыва. Сумрак ночи —
Прелюдия небесного пути,
Но этот сумрак нам не обойти,
Не обойти, что нам судьба пророчит...

Пророчит и пугает, и смеётся...
Нам ничего уже не остаётся,
Как оборвать над пропастью полёт

И вниз упасть... А там: как повернётся...
Обратно же, туда, где день встаёт,
Нас никакая сила не вернёт.

4

Нас никакая сила не вернёт
К восходу Солнца древнего. Иная
Влечёт меня заря... Её не зная,
Не ведал разум радости... Полёт

Вечерних мыслей ставит предо мной
Неистовство языческого света.
Я — варвар, достигающий ответа
В задорной пляске с юною женой.

Я — разрушитель римского столпа
И утвержденья веры. Наши боги
Не в бронзе, не в граните. И толпа

Отдельных «Я» не ведает попа:
Идём сквозь тьму, — не подвели бы ноги,
Артура стол — всего лишь часть дороги.

5

Артура стол — всего лишь часть дороги,
И бывшие языческие боги
Нам освещают древние места
Огнём любви — деянием Христа.

Артура стол — двенадцать восприятий
В единстве лучезарности понятий:
Король занятые каждому найдёт
И побужденья к целям поведёт:

Мотив всегда для действия найдётся.
И тот из нас вовек не ошибётся,
Кому расстаться с нажитым не жаль.

Из благородных чувств к нему пробьётся
Сквозь эту часть пути святая даль:
Другая часть — непонятый Грааль.

6

Другая часть — непонятый Грааль
Таит в себе блаженную печаль
И вещей суд, и солнечные чувства,
И глубину вселенского искусства

Сеи тёмный мир молитвой озарять,
Стоянье тьмы в движенье претворять...
О, Анфортас! Его святые муки —
Тяжёлый крест бесчувственной науки.

Его судьба подобна маяку,
Который светит ночью моряку
И направляет судно сквозь пороги...

Да будет праздник на его веку,
Но лишь затем, как твердь познают ноги:
Лишь третью часть вопросом ставят боги.

7

Лишь третью часть вопросом ставят боги,
И я спешу... Скорей... Не опоздать
Души моей незрелые итоги
Вопросом пробуждающим задать!

У Парсифаля лишь одно стремленье —
Пронзить копьём долину бытия,
Чтоб вод морских могучее движенье
Со дна наверх его исторгло «Я».

Я отраженьем встану перед светом,
И в этом блеске зазвучит Грааль
Ещё никем не слышанным ответом:

Заветом философским иль сонетом...
Дорога ждёт, исчерпана печаль, —
Ведёт она в неведомую даль...

8

Ведёт она в неведомую даль —
Царица, Ариадна, Пенелопа.
Узнал её! — С лица снята вуаль.
Но мало мне коней моих галопа!

Я мчусь, как одержимый, по пескам.
В шальных следах цветы растут и травы.
Пусть море служит бедным морякам
Величием вселенской переправы.

Я — не моряк, хоть родом я из моря,
И дом Отца оставил я навек,
Чтоб в твердь идти, об истине не споря,

Как некий Бог и некий человек...
Я некогда от моря отдалился;
С другими в круг я некогда садился.

9

С другими в круг я некогда садился
Двенадцатым иль первым — всё равно...
Я с королём однажды распростился,
Оставя свету всё его вино,

Турниры, сплетни, милые забавы,
Весь шум и блеск, и суету двора,
Испив сполна могущества и славы.
Но пробил час! Мне со двора — пора...

И вот передо мною панорама
В обратной хронологии встаёт,
И разуму душа передаёт

Скупую весть из солнечного храма —
В телесном мраке светлый дух дорог:
Боль Анфортаса для меня — урок.

10

Боль Анфортаса для меня — урок:
«Не зная тьмы, не преступай порог!
А коль преступишь, не испивши яду, —
Тебя казнят по древнему обряду,

И станешь ты, как некий Прометей,
С орлом делиться печенью своей,
К природе дикой горного Кавказа
Прикованный велением приказа

Молниевержца, грохота творца
Зевеса Олимпийского...» Я знаю
Один из ликов моего Отца...

Тогда, как и теперь, я вспоминаю:
Суров был свет, был тьмой пленён пророк,
Был неотступен кровожадный рок.

11

Был неотступен кровожадный рок
Ко всем, к любому, к каждому... Порок
С младенчества привит к невинной плоти
И к разуму в бесплоднейшей работе

Стяжанья денег в суете мирской
На площади Пигаль иль на Тверской...
Парад умений, промыслов, профессий,
Музеев, академий и конфессий.

Полезность доказуема вполне
Всех ядовитых рыб на грязном дне
В штормящем море... Гений воплотился,

Чтоб подарить себя своей луне...
Мне дан ответ. Мой срок земной продлился,
Покуда с прошлым я не расплатился.

12

Покуда с прошлым я не расплатился,
Не ведомы мне солнечные сны.
Я жду подснежной грязи и весны,
С которыми однажды я простился

И двинулся в безликую пучину
Соблазнов и сомнений бытия...
Что человек? — Во-первых, он — свинья,
А во-вторых, косит он под мужчину,

Благообразным видом выдавая
В себе происхождение шута,
Придворного эстета и кота,

Что ловит мышь ругаясь и зевая...
Достиг всего, иного не видать, —
И вот теперь я долг готов отдать.

13

И вот теперь я долг готов отдать:
Преодолеть свинью и узость пола,
Шута пригляд и догму произвола,
И пред собой как пред судьёй предстать.

От самого себя не убежишь,
Не скроешься от грома приговора —
Воспоминаний алчущая свора
Сожжёт мосты. И меч свой обнажишь

Как инструмент своей публичной казни...
Не ведает ребёнок о соблазне —
Он может целый мир собой обнять, —

Твой дерзкий сын, игривый твой проказник, —
Как агнца в срок себя хочу воздать
Тому, Кого ты умоляешь, мать.

14

Тому, Кого ты умоляешь, мать,
О милости для сына и для мира,
Я жизнь свою готов отдать и стать
Одним из многих вестников эфира.

Эфир подвижен, лик неуловим,
Но что-то мне предсказывает встречу;
И — знаю я — Того, Кто мной любим
Из тысяч, из миллионов я замечу!

Его я знаю много-много лет.
Он для меня — сиянье пробуждений.
Он был всегда, до всех моих рождений —

От изначалья — Слово, Жизнь и Свет.
Я лишь Его хоть в чём-то понимаю,
А потому всем сердцем принимаю.

15

А потому всем сердцем принимаю
Своей судьбы неутомимый гнёт,
Что счастья нет в земном теченьи: к раю
Нас никакая сила не вернёт.

Артура стол — всего лишь часть дороги,
Другая часть — непонятый Грааль.
Лишь третью часть вопросом ставят боги.
Ведёт она в неведомую даль.

С другими в круг я некогда садился.
Боль Анфортаса для меня — урок.
Был неотступен кровожадный рок,

Покуда с прошлым я не расплатился.
И вот теперь я долг готов отдать
Тому, Кого ты умоляешь, мать.

XIII

КУЗНИЦА

1

Тому, Кого ты умоляешь, мать,
Всегда во всём вести меня по свету,
Всё обо мне известно... Благодать
Досталась всем и в том числе поэту,

Который долго молча принимал
Твои простые формулы и числа,
Который вдруг проснулся и сказал
О прозревании солнечного смысла

Тобой однажды прожитых часов
В последнем наставлении Элевзина...
Лежат на чаше бытия весов

Добро и зло... Деянье и причина...
Мечтала ты в плену телесной тверди
Любимое дитя спасти от смерти.

2

Любимое дитя спасти от смерти —
Твоей души священная печаль.
Но смерти нет, хоть ей пугают черти...
Есть только жизнь! И горизонта даль

Сияньем солнца призывает снова
Из пепла бытия цветком взойти
И претворить божественного Слова
Горящие, творящие пути

Из горних высей в тёмном доле быта...
Из ничего Вселенную рождать!
Уже стучат по мостовой копыта...

Твоя печаль тобою не забыта!
И тем путям, творящим Благодать,
Я с радостью готов себя отдать.

3

Я с радостью готов себя отдать
На растерзанье кровожадным книгам,
Всему тому, что создаёт печать:
Обману, суесловью и интригам.

Служить готов — пусть даже Сатане.
Прислуживаться тошно даже Богу.
В конце концов: и Фауст был на дне,
И Павел Савлом начинал дорогу.

Борьба со злом — вначале только зло,
Паденье вниз, крушенье всякой тверди,
Стремление, которое вело

Не к знанию, не к радости, но к смерти.
Но мир спасён. Оно его спасло
Служеньем в тьме житейской круговерти.

4

Служеньем в тьме житейской круговерти
Прокладываю путь я между двух
Великих тайн — бессмертия и смерти.
Познания стяжает нищий дух:

С протянутой рукой стою у храма
Меж двух колонн, что здесь возведены
Бригадой архитектора Хирама,
Как некие возвышенные сны

О чудесах Земли, о высшей славе...
Но то — не сны. То — древний аватар
Запечатлелся на моём уставе

Стекляшкой мысли в солнечной оправе.
Преодолев прошедшего кошмар,
Пусть луч Его зажжёт во мне пожар.

5

Пусть луч Его зажжёт во мне пожар,
Иначе мне не жить во тьме Вселенной!
Я в тридцать лет неутешимо стар
Своей душой в гробнице тела пленной.

Не разрубить безжалостных оков
Мне одному без высшего участия
Крылатых зодчих вещей тайников
Святой Изиды... Холод и ненастье

Зашторили до неба горизонт.
И надо мной распахивает зонт
Костлявая рука... Кусочек мела

Пусть лишь наметит на доске мой путь.
И я дерзну безвыходно и смело, —
Пусть пламя разгорится до предела!

6

Пусть пламя разгорится до предела.
Пусть от сиянья заболят глаза!
Но что печаль наказанного тела? —
Всего лишь — гром и новая гроза.

Твою я душу, Герцелойда, знаю
Не первый век, но много больше... Ей
Дано так много... Мой поход по краю —
Лишь фимиам молитвенных огней,

Воздвигнутых тобою так умело,
Перед Всевышним взор направля смело
На лик всесправедливой кармы... Пар

Раздует оболочки до предела...
Цепь разомкнёт единственный удар!
Наступит миг — и Он воспримет дар.

7

Наступит миг — и Он воспримет дар.
Наступит день, и я Его узнаю.
Рассеится сомнения кошмар,
Когда, воздевши руки к Адоною,

Я в хлебном поле вымолвлю слова:
«Прости меня! Благослови на битву!»
О, Герцелойда, ты была права, —
В познании нужно отыскать молитву

И пронести её сквозь душу в твердь,
В мирскую мглу, в бытийства круговерть,
Тогда придёт разоблаченье тела,

Тогда узнает своё место смерть,
И ты познаешь линию предела...
Настанет мир, как ты того хотела.

8

Настанет мир, как ты того хотела,
Вернётся вновь из затяжного сна
Обратно в храм покинутого тела
Душа моя... Вина моя... Вина

Пусть милосердьем станет в жизни новой.
Пусть озарит сей мир её любовь!
Какой бы ни была судьба суровой,
Не возвратится прожитое вновь.

Всё движется, меняется, и реку
Нельзя остановить и приковать
Ни к берегам, ни к дну, ни к небу. Феба

Я отыщу тогда в колосьях хлеба
И милостыню стану подавать!
Чему сиять, того не миновать.

9

Чему сиять, того не миновать:
Меркурий оживит больное тело,
Соль восприемлет Истины печать.
Так я и ты воспринимаем дело

Святого Духа в темноте веков —
Любить, любить, как Бог любил и любит,
Несовершенства всех земных оков,
И никогда вовеки не погубит

Причину прорастания зерна:
В холодном мире противостоянье
Того, в чём жизнь надеждой мне дана,

С тем, что хранит пока моя вина...
Пусть оживит творящий изваянье!
Пусть, наконец, постигнет тьма сиянье.

10

Пусть, наконец, постигнет тьма сиянье.
Христос воскрес вовеки, навсегда!
Его вовеки вечное деянье
Произнесло во мраке ночи: «Да!»

Вся наша жизнь имеет смысл постольку,
Поскольку в ней Воскресший обретён,
Поскольку я лишь часть Его творенья
И в этой части некогда спасён.

И в наши дни на дне мирского мрака,
Почти слепой, Его я помню дар.
Не нужно мне особенного знака,

Чтоб распознать в тиши ночной пожар.
Да будет так: преодолев страданье,
Пусть обретёт просящий подаянье.

11

Пусть обретёт просящий подаянье.
Пусть на ступени храма ляжет свет.
Пусть истинной любви солнцестоянье
Ему воздаст спасительный ответ.

И сей ответ его насытит душу,
И оживит целеящею водой
Ветрами обескровленную сушу,
Умилостивит беспощадный зной...

Пути Господни неисповедимы,
Но нам дано по тем путям ступать.
Мы в этой жизни — только пилигримы, —

Несём мы груз из вышних гор в равнины:
К огню — железо, к сургучу — печать, —
Да будет *что* ковальщикам ковать!

12

Да будет *что* ковальщикам ковать
В заброшенной богами кузне мира,
А мы, поэты, будем вспоминать
То, как звучит в руках Господних лира.

Она для нас — плавильня и металл,
Что молотом кузнец приводит к жизни,
И всей Земли таинственный овал —
Единство всех путей Его к Отчизне,

Которая на небе среди туч
В моей звезде несёт своё сиянье.
И на Земле её небесный луч —

Для нищих душ святое подаянье!
В густом дыму, среди мрака чёрных круч
Да будет света вечное деянье!

13

Да будет света вечное деянье
Отображаться в наших душах впредь!
Кто сам себя готовит на закланье,
Тому уже вовек не умереть.

Его судьба поистине богата
Плодами Неба, роскошью любви!
Что рядом с этим — блеск земного злата,
Богатства всех источников Земли?

Перекуём оружие на плуги!
С собой в себе лишь будем воевать!
На поле брани истинной науки

Пусть держат инструмент покрепче руки.
Я знаю — будет солнечная рать
Всегда с твоим ребёнком пребывать.

14

Всегда с твоим ребёнком пребывать
Отныне будет воля к испытанию, —
Быть иль не быть, познать иль не познать,
Или отдаться преобразованию

Своей никчемной плоти. Нить тонка,
Но замысел упрямый шелкопряда
Привносит в мир умелая рука
Преображеньем древнего обряда

В обряд Христов — из сумрака хаоса,
Из твёрдого порядка — плоть вопроса
От кокона судьбы освобождать,

И подвиг кузнеца, ловца, матроса
На алтаре бытийства посвящать
Тому, Кого ты умоляешь, мать.

15

Тому, Кого ты умоляешь, мать,
Любимое дитя спасти от смерти,
Я с радостью готов себя отдать
Служеньем в тьме житейской круговерти.

Пусть луч Его зажжёт во мне пожар.
Пусть пламя разгорится до предела!
Наступит миг — и Он воспримет дар;
Настанет мир, как ты того хотела...

Чему сиять, того не миновать...
Пусть, наконец, постигнет тьма сиянье.
Пусть обретёт просящий подаянье!

Да будет *что* ковальщикам ковать!
Да будет света вечное деянье
Всегда с твоим ребёнком пребывать!

XIV

РАЗЛУКА – ВСТРЕЧА

1

Всегда с твоим ребёнком пребывать
Не суждено устойчивости быта.
Язычества священная печать
В его душе до времени забыта.

И то, что ты в себе несёшь сполна
Со дна веков до выхода на сушу,
Не выплеснет до оных пор волна
В его к познанию зреющую душу.

Лишь в скорбный час, когда свой крест один
Он понесёт в кромешной тьме на муки,
Откроется единство всех причин,

Что в Боге мир как человек — един...
Но править до креста святой науки
Отныне будут ангелы разлуки.

2

Отныне будут ангелы разлуки
Узорчатый ковёр судьбы плести,
В котором я — лишь нить, игла и руки
Небесного ткача в земном пути

Меж двух границ неведомой державы,
Что стелется незримым полотном
Всеткания беславия и славы,
Увенчанного самым бодрым сном,

В котором ясность мысли — вроде тени,
Что в солнечных лучах дано бросать
Вещам на землю... Тенью поколений

Безмолвно став у моря на колени,
Хочу твой мир в себе воспринимать!
Я знаю: ты лишь в *этой* жизни — мать.

3

Я знаю: ты лишь в *этой* жизни — мать,
Как женщина повинность отбываешь:
Хранить очаг, смиренно ждать, рожать
И вдохновлять на подвиги... Не знаешь,

Не помнишь ты ни Неба, ни Земли,
Что для тебя тобой же были свиты
Из гибких стеблей... Там, в ночной дали
Прносятся сквозь мрак метеориты,

Кометы в неподвижность бытия
Вселяют жизнь... Космические муки
Стяжает в этот миг душа твоя —

Миг — ярче Солнца истинное «Я»,
А ты лишь мост к разлуке от разлуки,
Ты — вдохновитель радостной науки.

4

Ты — вдохновитель радостной науки —
Сбери под знамя мысли Бога рать!
Раздай бойцам мечи, щиты и луки.
Не глупо ль от болезней умирать?

Не лучше ли сразиться в рукопашной
С вещанской ложью бытовых страстей,
С друзей народов благодатью страшной,
С газетными творцами новостей?

Погибнуть? — Цель оправдывает средства!
Подлунный свет не стоит и гроша —
Не верь ему в земной ночи эстетства...

Не оставляй заветов и наследства!
Веди бойцов, над миром суд верша,
Ты, солнечная, ясная душа!

5

Ты, солнечная, ясная душа,
В далёком прошлом знала смысл Творенья,
Ты знала, отчего так хороша
Земная жизнь, страданья и мученья

В которой есть основа и мотив
Исполненного волей ожидания,
Когда их чашу до конца испив
Открылась ты в узнани мироздания...

Я знаю, ты воротишься назад;
И нет на всей земле пути короче,
Чем тяжкий путь сквозь необъятный ад.

Вернёшься ты в свой виноградный сад!
Великая душа, ты среди прочих
Придёшь однажды в этот мир из ночи.

6

Придѣшь однажды в этот мир из ночи
Наперекор окостеневшим снам,
Припомнив всё, надеясь и пророча,
Вернёшься к сим убогим берегам;

Застанешь в море сумрачном и строгом
Всего одну знакомую ладью.
Рыбак, занесший невод над порогом,
Из мира в мир влечёт судьбу твою.

И ты несёшь с собой из мира духа,
Что собрала любя и дорожа
Как некий дар для зрения и слуха:

Стихи планет, закон строенья уха,
Три стебля из Адама шалаша
И несколько звездинок из Ковша...

7

И несколько звездочек из Ковша,
И неба даль, и горизонта грани
Опять в себя вместит твоя душа
Как тень, как отраженье на экране.

Фантазия, движенье светлых вод
Взорвут устои мёртвого закона.
Тогда для нас оживший небосвод
В обратной перспективе, как икона,

Внезапно потерявшая покой
В текучести недвижимой прежде ночи,
Проявит свой невысказанный строй,

Волнующий порядок вековой...
Добро и зло из плена оболочек
Вдруг упадут сквозь омут неба в очи...

8

Вдруг упадут сквозь омут неба в очи
Два образа — свобода и любовь.
Ты восприемлешь солнце среди ночи,
Иными станут разум твой и кровь,

На кромке Чаши прочитаешь слово
И вспомнишь всё про сына своего...
Две рыбы из последнего улова
Ждут на столе... Творя из ничего,

Ты сможешь всё вокруг перенастроить
На новый лад... И море среди скал
Для ищущих, для алчущих устроить,

Для тех, кто жаждет не ломать, но строить...
Твоим страданьем не пренебрегал —
Я долго ждал, я долго постигал...

9

Я долго ждал, я долго постигал
Ученья свет и тьму нравоученья,
Из душных комнат в поле убегал,
Где наблюдал оттенки и теченья

Неуловимых в глубине дворцов
Воздушных, водных, огненных потоков
Влияния незримых мудрецов
В красе земли, в пути растений соков.

И этот опыт приносил потом
Плоды скупые непонятных знаков,
Я накопил их необъятный том —

Неведомых семян забытых знаков:
Когда в сей опыт волю добавлял,
Я знания в душе переплавлял.

10

Я знания в душе переплавлял
И получал зерно особой пробы,
Затем его под стражей оставлял...
Лишь избранные Богом хлебоборы

У стражи могут вымолить зерна
За некую особенную плату.
Но это — тайна. Ей душа верна!
Молчанье — сила... Не подвластна злату

Земного мира мудрости скрижаль.
Её не бросишь алчному народу:
Не выковал из света в тьме коваль

Для всех одно познание. Печаль
Оставлю я словам, связав их в оду.
Я обрести давно хочу свободу.

11

Я обрести давно хочу свободу:
Я сам себе избрал свой крест и путь.
Ты, глядя на воскресшую природу,
Поймёшь, что я вернусь когда-нибудь.

Когда-нибудь я встану пред тобою
В доспехи облачённым мудрецом,
Вооружённым и готовым к бою
Всегда и всюду... Солнечным венцом

Засветится глава; в руках же — посох,
С которым скот пасут... В моих вопросах
Прочертится упрямый облик скал.

Спроси у этих скал об альбатросах...
Как в тигле раскалившийся металл,
В своём покое я опасен стал.

12

В своём покое я опасен стал:
Я слышу скорбный гром шагов Гекаты.
Да, этот мир своё отгрохотал, —
Ему теперь даны одни закаты...

Но смерть — зерно другого бытия,
И мрачный Тартар — лишь подножье рая:
В страну теней уйду однажды я,
Олимпа свет в итоге обретая;

Из колчана серебряного Феб
Стрелу златую мне вручит! О боги!
Неведом смертным Артемиды хлеб,

Но в храм Её ведут твои дороги. —
Взгляни на сына. Видишь, Герцелойда? —
Я стал подобьем камня, астероида.

13

Я стал подобьем камня, астероида —
Обломок Фаэтона, ком земли,
Мой дух в пути, его не беспокой, да
Напрасно не зови меня... Легли

Путиями неизведанными света
Пути богов в печатях бытия
Обычных смертных... Ни зимы, ни лета
Не ведает без них душа моя.

И я молюсь неистово и жгуче:
«Приди, Господь, и освети пути
Всех ищущих свободно и могуче,

И грех людской от мира отвори!»
Все двери в доме настезь ты открой, да
Пусти меня на волю, Герцелойда.

14

Пусти меня на волю, Герцелойда,
Освободи от плена прежних лет,
Наметь на чёрном небе план иголь, да
Из мира звёзд впусти на землю свет,

Чтоб мой уход ночной был виден Богу
Во всех деталях... Некогда и ты
Ступала на такую же дорогу,
Неся в себе портреты звёзд — цветы...

О, мать моя, супруга Гамурета,
В тебе всегда я буду узнавать
Ученика Деметры!.. Ждёт карета...

Я ухожу... До новой встречи, мать!
Да будет свет, которым ты согрета,
Всегда с твоим ребёнком пребывать!

15

Всегда с твоим ребёнком пребывать
Отныне будут ангелы разлуки.
Я знаю: ты лишь в этой жизни — мать,
Ты — вдохновитель радостной науки.

Ты, солнечная, ясная душа,
Придёшь однажды в этот мир из ночи,
И несколько звездочек из Ковша
Вдруг упадут сквозь омут неба в очи.

Я долго ждал, я долго постигал,
Я знания в душе переплавлял...
Я обрести давно хочу свободу.

В своём покое я опасен стал:
Я стал подобьем камня — астероида...
Пусти меня на волю, Герцелойда!

ΚΟΡΟΝΑ

1

Пусти меня на волю, Герцелойда;
Пусти меня, заботливая мать.
Я рвусь вперёд, в объятия свободы;
Хочу я мир сей суетный познать!

Я переполнен несказанным светом.
Зовёт меня дорога в бездну, в тьму.
Пусти меня! — Я еду за ответом
К Учителю седому своему.

Меня Он примет, — в этом нет сомненья.
Назначен срок: столетье, день и час.
Я отправляюсь в путь без сожаленья.

Пусть первым вдохом станет удивленье.
Он ждёт меня. Он знает всё о нас, —
Король-рыбак, премудрый Анфортас.

2

Король-рыбак, премудрый Анфортас
Стоит один во тьме слепого века.
Он сеть свою забрасывал не раз,
Но не нашёл он в сети человека:

Одни лишь рыбы, мелкие притом;
Одни лишь камни с дна морского, с ила.
Молитвою и праведным постом
В сей век не восстаёт былая сила.

Рыбак теперь стал просто королём,
Отрезанным от моря тем копьём,
С которого по каплям, как свобода,

Стекает кровь, которой мы живём.
Он из миллионов душ, из тьмы народа
Призвал двенадцать в круг святого года.

3

Призвал двенадцать в круг земного года
Тринадцатый, великий и святой.
Звездой светит вещая свобода
В лазурном небе ясно-золотой.

Вот хоровод двенадцати соцветий
На небесах, как в утреннем саду:
Плетенье судеб, миг среди столетий, —
Тропа в лесу, которой я иду.

Здесь каждый миг слагается в движенье.
Сквозь семь планет несёт меня Пегас.
Познание есть Солнца постиженье.

Пред нами путь, — земное отраженье
Небесного. Пробил заветный час:
Сам Титурель открыл врата для нас!

4

Сам Титурель открыл врата для нас:
Передо мною путь земной открылся.
Я пережил свой самый главный час:
Как долго этот час заветный длился!

Еретиков сжигают на кострах,
Но еретик блажен в своём стремленье
Искоренять невежество и страх,
Искать основу веры в удивленьи...

Без удивленья знаний не найти.
Без пониманья мысль — высокопарна.
Без продвиженья смысла нет в пути.

Мы сели в круг: венок из роз плести.
Вот: перед нами тьма чадит угарно.
Вот: Монсальват сияет лучезарно...

5

Вот: Монсальват сияет лучезарно!
Начну-ка я неторопливый сказ
О том, что бытие не так вульгарно,
Как в современных книгах учат нас.

Ритм эволюций дважды семеричен:
Сквозь бытие, сквозь инобытие...
О, человек Земли, как ты космичен:
Творенье Бога, Бога житие!

Бог — математик, это знают птицы.
Они в наш мир поэтам весть несут.
И прорастают зёрнышки пшеницы...

И в небе катят огни колесницы...
И вижу я сквозь пламенящий суд
В руках Господних золотой сосуд.

6

В руках Господних золотой сосуд:
Он блеском просветляет тьму земную.
Господь один осуществляет суд,
Вершит судьбой и жизнь даёт иную.

Он — творчество; Он — действие; Он — путь,
Он есть любовь и истина, и вера.
Он — гнев и радость мира, Сущий, Суть.
Неизмеримый, Он — число и мера.

Мы собрались, как прежде на Горе.
Нам небо приоткрылось светозарно,
И Солнце блещет ночью в декабре:

Вверху готовят боги путь заре!
Внизу, у князя тьмы, копят ударно;
Внизу толпа волнуется базарно.

7

Внизу толпа волнуется базарно.
Копыта лошадей взбивают пыль,
Земная гладь нема и светозарна.
Степь — это Солнце, нимб его — ковыль.

Здесь в тёмном отраженьи нет приюта.
Здесь нет ночлега путнику в ночи.
Пастушья келья эта степь — каюта:
Сидит моряк до срока на печи,

Но тридцать лет судьба отмерит строго,
И волны судно к берегу принесут.
На берегу том невидима дорога.

Там находили след единорога.
Под небом там овец мирских пасут,
На небе — Солнца справедливый суд.

8

На небе Солнца справедливый суд
Удачу предвещает верным вдовам.
Сюда, в наш мир исход его несут
На смену подаяньям и оковам,

Двенадцать золотых учителей
Всемудрого, вселюбящего Слова...
Идите в море, рыбаки, смелей!
Расставьте сеть для славного улова!

Терпение, старание, покой
Придут на смену боли вековой.
Пусть этот миг я в срок предугадаю:

Прекрасней доли, искры заревой,
Хотя умом её не понимаю,
Для деланья святого я не знаю!

9

Для деланья святого я не знаю
Исчисленных законов и идей.
Я числа разуменьем принимаю,
Душою принимаю я людей.

Возьму копьё и алый плащ накинута,
Коротким взмахом подстегну коня.
Я выпрямляю как шест тугую спину,
Вступив на путь отваги и огня.

Разжечь огонь и освятить им Землю:
Я — сын Земли, её как мать приемлю!
И ты — моя Земля — родная мать.

О, Герцелойда, разум твой не дремлет,
Но сердце спит, ему не осознать
Всей меры жертвы, что готов воздать.

10

Всей меры жертвы, что готов воздать
Твой взрослый сын, ребёнок простодушный,
Не вычислить, рассудком не понять.
Огонь любви поток несёт воздушный,

Вздымает Океан за валом вал.
Твердыню одолеть дано лишь плугу
Того, кто поле тёмное познал,
Того, кто рад и недругу и другу.

Кому же я вопрос задать хочу?
Кого из миллионов я узнаю?
Того, Кому я брат, о Ком молчу,

Кому зажгу последнюю свечу,
Тому, в Ком я бессмертьем умираю,
Тому, Кого люблю и понимаю.

11

Тому, Кого люблю и понимаю,
Тому, Кто Жизнь и Истина, и Путь,
Я жизнь свою и путь свой посвящаю,
Я истину найду когда-нибудь.

Я — это Он, как в капле отраженье
Всех океанов, всех морей и рек,
Как в малом вихре — вечное круженье,
Как в грубом теле — духочеловек.

Сомнение — к познанию первый шаг.
Догматик перед истиной — слабак!
Я догматичность веры отмечаю...

Да будет бой! Скрещенье честных шпаг!
Ведь вера — то, что я познавши знаю,
А потому всем сердцем принимаю.

12

А потому всем сердцем принимаю
Своей судьбы неутомимый гнёт,
Что счастья нет в земном теченьи: к раю
Нас никакая сила не вернёт.

Артура стол — всего лишь часть дороги,
Другая часть — непонятый Грааль.
Лишь третью часть вопросом ставят боги.
Ведёт она в неведомую даль.

С другими в круг я некогда садился.
Боль Анфортаса для меня — урок.
Был неотступен кровожадный рок,

Покуда с прошлым я не расплатился.
И вот теперь я долг готов отдать
Тому, Кого ты умоляешь, мать.

13

Тому, Кого ты умоляешь, мать,
Любимое дитя спасти от смерти,
Я с радостью готов себя отдать
Служеньем в тьме житейской круговерти.

Пусть луч Его зажжёт во мне пожар.
Пусть пламя разгорится до предела!
Наступит миг — и Он воспримет дар;
Настанет мир, как ты того хотела...

Чему сиять, того не миновать...
Пусть, наконец, постигнет тьма сиянье.
Пусть обретёт просящий подаянье!

Да будет *что* ковальщикам ковать!
Да будет света вечное деянье
Всегда с твоим ребёнком пребывать.

14

Всегда с твоим ребёнком пребывать
Отныне будут ангелы разлуки.
Я знаю: ты лишь в этой жизни — мать,
Ты — вдохновитель радостной науки.

Ты, солнечная, ясная душа,
Придёшь однажды в этот мир из ночи,
И несколько звездочек из Ковша
Вдруг упадут сквозь омут неба в очи.

Я долго ждал, я долго постигал,
Я знания в душе переплавлял...
Я обрести давно хочу свободу.

В своём покое я опасен стал:
Я стал подобьем камня — астероида...
Пусти меня на волю, Герцелойда!

15

Пусти меня на волю, Герцелойда!
Король-рыбак, премудрый Анфортас
Призвал двенадцать в круг земного года.
Сам Титурель открыл врата для нас;

Вот Монсальват сияет лучезарно;
В руках Господних золотой сосуд.
Внизу толпа волнуется базарно.
На Небе Солнца справедливый суд.

Для деланья святого я не знаю
Всей меры жертвы, что готов воздать
Тому, Кого люблю и понимаю, —

А потому всем сердцем принимаю, —
Тому, Кого ты умоляешь, мать,
Всегда с твоим ребёнком пребывать!

1508
A

Послесловие автора (к венку венков сонетов)

Несмотря на собственную неприязнь ко всякого рода предисловиям и послесловиям, автор счёл необходимым дать кое-какие объяснения в силу ряда причин, главной из которых явилась: желание некоторых «особо продвинутых» друзей иметь комментарии к определённым местам, где, по их мнению, совсем непонятно, о чём идёт речь, — т.е. вроде красиво, но недоступно для рассудочного понимания. Задача, конечно, не лёгкая, а если брать всё произведение, то непосильная — перевести язык образов — многоступенчатый и разноотдалённый — в язык плоских рассуждающе-судящих прямолинейно точных понятий. Да автор, собственно, и не собирался тратить своё время и время читателя на столь пустое занятие. Конечно, можно было эту затею оставить и не дописывать ничего к поэтическому тексту. В конце концов, есть масса энциклопедических изданий, всяких словарей, разнообразных первоисточников и многого-многого другого, благодаря чему неленивый читатель смог бы найти ответы на все тёмные, по его мнению, места. Но это — не совсем так. Во-первых, есть места, которые из других произведений объяснить нельзя. Такие места должны быть пережиты ассоциативно в связи с опытом собственной, личной жизни, и если ассоциация не возникает, то все попытки объяснений обречены на пепел тщеты. Во-вторых, —

места, которые можно привязать к образам мировой литературы, в том числе и к Библии; но эта привязка зиждется на образности предыдущих и последующих подобных но не конгруэнтных мест, связанных между собой определённым настроением, тональностью, колоритом, языком взаимопронизывающих устремлённостей мысли. В-третьих, — знакомые имена, знакомые названия, знакомые обороты речи — взятые в несколько иных отношениях и несколько по-иному очерченных. В-четвёртых, — непонятна форма. Зачем столь сложно нанизывать сонеты, если можно было просто написать поэму?

И эти четыре пункта — далеко не всё.

Но даже если ограничиться только ими, автор вынужден был бы дать хоть какие-то объяснения. Поэтому он, сознавая невыполнимость такого задания в полном объёме, всё же берётся кое-что кое-как прокомментировать, заранее предвидя нетерпеливость моноклей и остронаправленность стрел критикующего и злодышащего сообщества.

Комментарии разделены на две части. В первой — автор попытается выразить и объяснить в мыслительных категориях идею и форму произведения. Во второй части будут даны ссылки на некоторые места поэмы, которые, по мнению автора, требуют специальных комментариев. Автор не стал выделять эти места в тексте. Однако, в комментариях будут даны соответствующие ссылки на «трудные» места. Как уже было сказано, в комментариях будет не всё, однако будет

именно то, что по мнению автора нуждается в специальном объяснении. Автор также сознаёт, что основным его трудом было написание книги — произведения, на создание которого ушло шесть лет жизни. Шесть лет непрерывного мятежа души против самовластья бытийствующей действительности цивилизации. И эти шесть лет — лишь результат, лишь краткий слепок той работы, которая велась прежде, и тех устремлений, которые сияли из будущего. Поэтому для автора очевидно, что комментарии — это, хоть и нужная, но, всё-таки, служебная часть, которую вполне можно опустить. Читать их никто не должен и не обязан. Однако тот, кто удостоит вниманием сей кропотливо-ничтожный труд, вероятно увидит в нём некое лаконичное прозаическое дополнение к тому большому труду, что колоннами сонетов и этажами венков выстроен перед маленьким указателем с краткой инструкцией-планом сего монументального здания.

В основу идеи сюжета легли мотивы историй о Парсифале, Граале, Круглом столе короля Артура. В качестве первоисточников автор пользовался следующими книгами.

1. Кретьен де Труа. Персеваль.
— М.: Эксмо, 2006. — Перевод со старофранцузского, прозаический пересказ Д. Вишневского, поэтические вставки И. Евсы.
2. Робер де Борон. Роман о Граале.
— С.-Пб.: Евразия, 2000. — Перевод с французского Кассировой Е.

3. ANTHROPOS.

Опыт энциклопедического изложения Духовной науки Рудольфа Штайнера.

Составитель Г.А.Бондарев.

Институт Общегуманитарных Исследований при участии издательства «Университетская книга». С.-Пб; М. — 1999.

[Энциклопедия Духовной науки (ЭДН)]

4. Иванов К. А. Многоликое средневековье.

— М.: Алетейа, 2001.

5. Иванов К. А. Трубадуры, труверы и миннезингеры.

— М.: Алетейа, 2001.

6. Майер Рудольф. В пространстве — время здесь.

История Грааля. / Пер. с нем. В. и М. Витковских.

— М.: Энигма, 1997.

7. Лассаль Пьер. Путь Грааля.

/ Пер. с фр. К.Ю.Бондаренко.

— С.-Пб.: «Дамаск». — 2002.

Но несмотря на перечисленные источники — можно привести ещё не меньше десятка других — идея книги возникла вследствие глубоких переживаний автором темы Парсифаля в контексте современности.

Мы не будем пересказывать легенду о Парсифале. Это сделали лучше нас и задолго до нас выдающиеся поэты — вестники Духа Грааля. Кто не знаком с историей Грааля и родом Парсифаля, пусть познакомится с ними и тогда только примется за наше повествование.

Основными понятиями читатель всё-таки должен уже владеть. Поэтому, мы не ставим целью в комментариях объяснять, кто такой, например, король Артур, и что за путь проделал Парсифаль в романе Вольфрама фон Эшенбаха.

В истории Парсифаля есть место, где он прощается со своей матерью — Герцелойдой (Херцеллойдой, Герцелоидой, Херцелейдой и др. — в зависимости от транскрипции). После прощания с сыном Герцелойда — заботливая и нежно любящая мать — падает на землю и умирает (см. наприм. у Кретьена де Труа). О том, что было накануне, перед этим событием, большие источники умалчивают. В них дан акцент на фигуре Парсифаля. Герцелоиде уделяется мало внимания ввиду малозначительности этого персонажа. Мать — хоть и мать *такого* героя — не вправе претендовать на славу и даже на часть славы того, кого лелеяла и воспитывала. Много ли мы знаем о Майе, жене Судходаны, матери Будды (Шакьямуни)? Много ли у нас сведений о Марии, матери Иисуса, вернее об обеих Мариях — о матери Иисуса по Соломоновой ветви и матери Иисуса по Нафановой ветви рода Давида? — Почти ничего. Всё, что есть — скорее всего, позднейшие интерпретации изустных сказаний, в которых осталось лишь то, что дозволялось говорить и что могло быть передано в чистоте истины другому. Герцелойда — лишь одна из матерей великих представителей человечества. И её так же не миновала чаша бесславия

и чёрной неблагодарности надменных отпрысков оного. Люди помнят лишь тех, кто прошёл свой Путь. Тех же, кто этот Путь готовил, они забывают. Мы не назовём всех источников, откуда черпалось знание о Герцелойде. Пусть кое-что останется тайной, разгадать которую удастся ещё очень не скоро. Краткая же идея такова.

Пятнадцать ночей накануне ухода Парсифаля Герцелойде снятся сны. В образах сновидений ей предстаёт панорама будущего как некий сыновий монолог, обращённый к ней. Содержание этих сновидений и легло в основу нашего повествования. Форму изложения мы избрали довольно своеобразную. Во-первых, — сонет. Сонет в прежние времена употребляли крайне разносторонне. О детальном анализе понятия «сонет» можно прочесть у В.Брюсова, М.Волошина, К.Бальмонта и др. Мы не будем здесь указывать точные места в их исследованиях, дабы читатель мог не комфортно, но с усилием поискать эти места, и если они действительно ему нужны, он их обязательно найдёт, — том В.Брюсова, к примеру, раскроется именно в том месте, которое необходимо... Сонет — необычайно строгая форма. Он организует. Он задаёт чёткую ритмическую основу. Он — часть, и в то же время он — сам по себе отдельный стих. Взгляните: вот перед вами сонет. Всего 14 строк. Всего четырнадцать. Два четверостишия и два трёхстишия. Либо три четверостишия и одно двустишие. Последние две строки есть некий даже не синтез, а лаконичная квинтэссенция, зерно, отделившееся

от созревшего, выросшего организма, которое как человеческое «Я» должно внести в мир ещё не познанный миром дух.

Венок сонетов — более организованная, а значит — более высокая форма существования сонетов. Здесь самим сонетом задана форма венка. Первая строка первого есть последняя строка четырнадцатого. Пятнадцатый сонет — магистрал — состоит из первых строк каждого сонета. Схематически венок можно изобразить в виде чаши, где в широкой верхней части сонет следует за сонетом, строки которых перетекают из последней в первую четырнадцать раз, и так — по кругу. В основании чаши — один сонет, спроецированный первыми строками каждого из четырнадцати. Всего пятнадцать сонетов. Венок сонетов — это второй уровень, второе измерение. Он относится к сонету, как стена здания относится к кирпичу, вернее — блоку кирпичей, в котром кирпич — слово, а ряд кирпичей — строка.

Когда автор готовил себя к написанию данного произведения — а это было очень давно — у него возник вопрос близкий к математическому. Если можно из сонетов складывать венки сонетов, то нельзя ли сложить по подобному же принципу венок, состоящий из венков сонетов, то есть закольцевать четырнадцать венков и создать магистральный пятнадцатый венок, в котором пятнадцатым будет сонет, являющийся магистралом всего произведения? Кто ещё не понял, поясняем. Магистральный венок сонетов состоит из первых

сонетов четырнадцати закольцованных венков. Пятнадцатый в нём сонет состоит тоже из четырнадцати, но не сонетов, а строк, являющихся первыми строками тех же венков.

Когда автор понял, что так сделать можно, его как молнией пронзила мысль, что именно так сделать и нужно. Всё для этого есть — идея, персонажи, образы. А эта форма как нельзя лучше могла бы подойти к реализации идеи. Пятнадцать ночей пророческих сновидений — пятнадцать венков сонетов, образующих единое тканье ритмизированных образов, единую корону солнечной мысли.

У автора были попытки найти в мировой литературе хоть один подобный опыт. К сожалению, ни среди личных книг, ни в дебрях интернета — нет ничего подобного. Венков сонетов — хоть отбавляй! А вот венка, который сам состоял бы из венков сонетов, — нет. Если добросовестный читатель всё-таки сможет отыскать подобное произведение, пусть он обязательно свяжется с редакцией и сообщит об этом. Мы ему будем необычайно признательны.

Подводя итог вышесказанному, можно наметить пунктиром кое-какие выводы. Если стена — это венок сонетов, то венок, состоящий из венков сонетов — это всё здание. Здание, в котором мысль может пульсировать не только двумерно — вширь и ввысь, но и в глубины — то есть трёхмерно. Что это даёт? Сразу понять трудно. Но когда исследуешь это здание вновь и вновь, ловишь себя на ощущении чего-то очень знако-

мого и в то же время — неповторимо оригинального. С появлением третьего измерения знаний не прибавляется. Они могут прибавиться лишь при усилении их иметь. В трёх измерениях именно этих усилий можно прикладывать больше.

Несколько основных символов встречаются в разных местах, отбрасывая тень на различные срезы времени, быта, культуры. Душа Парсифаля светит душе его матери сквозь толщину эпох и цивилизаций... Мы не будем больше утомлять нашего читателя. Пусть лучше переживает он колесницы сонетов в прочтении. Пусть воля его неусыпно ведёт от строчки к строчке. Пусть чувство наполняет его жизнью образов. Пусть мысли его приобретут ясные очертания.

Далее в «примечательных» комментариях можно будет увидеть объяснения некоторых мест поэмы. Ссылки указаны в следующем порядке: [№ страницы, № венка, № сонета внутри венка, № строки или строк], далее (справа) — сам «трудный» отрывок, и затем (снизу от отрывка) — объяснение.

- С. II   ... *Кретъен, Робер или Вольфрам*
Приглашение, — Кретъен де Труа, Робер де Борон, Вольф-
Второе   рам фон Эшенбах — вестники Грааля, великие
ч-стишие   поэты Средневековья.
Там же,   ... *рыбы на столе*
Третье   — см. традицию Св. Грааля в книге Робера де
ч-стишие   Борона [2].

Две рыбыны — символ современной культурной эпохи — созвездие Рыб. В астрологическом облике человека соответствуют ступням. Эта эпоха характеризуется с одной стороны усилением материалистических тенденций, с другой стороны — самоосознанием в потоках социального становления и особым, не бывшем никогда прежде спиритуальным развитием человека. — Современная нам эпоха.

Подробнее см. у Рудольфа Штейнера.

С. II

... Герцелойду

Там же,
Четвёртое
четверо-
стишие

— Герцелойда — мать Парсифаля, дочь Фримутеля, внука Титуреля.

Подробно см. [6].

В Герцелойде была воплощена индивидуальность, воплощённая ранее как Юлиан Апостата (Отступник). См. [3]. Мы приведём здесь несколько выдержек из этого источника.

ЭДН, том 1, с. 502, № 1268.

„Юлиан Апостата был посвящён последним Иерофантом Элевзинских Мистерий. Он попытался древних богов вновь ввести в культуру, в которой уже было представлено Христианство. Но он зашёл слишком далеко как в этом, так и в разглашении тайн Мистерий, поэтому в 363 г. он был убит солдатом христианином. Основной закон его жизни состоял в том, что воспринятое как наследие, он переживал как личный гнев, личный энтузиазм. Он вновь воплотился в 1546 г. в богатой семье на севере Европы как Тихо де Браге“.

ЭДН, том 1, с. 694, № 289.

„Преодоление зла, преодоление материи понятием было заложено в манихействе. Постигновение глубокого смысла зла, а в связи с ним и вопроса о Христе Иисусе, — это стояло перед душой Юлиана, это хотел он извлечь из персидского посвящения и принести в Европу. Но он был убит последователем Константина, и в Европе возобладали процесс абстрактного мышления“.

Юлиан „был человеком глубочайшей любви к истине. Он хотел восстановить Иерусалимский храм, и уже были наняты для этого рабочие и собраны деньги. И боги способствовали Юлиану: все рабочие имели видение пламени, вспыхнувшего на их рабочих местах. Но мероприятие всё же не удалось“.

ЭДН, том 2, с. 35, № 1020.

„Мы живём в такое время, из которого не выйти здоровым образом, если не пожелать по-новому понять то, чего хотел такой дух, как Юлиан Апостата. В его время ещё не было возможности — и это большая трагедия — древний принцип посвящения соединить с глубокой сущностью Христианства. В наше время такая возможность пришла, и непременно она должна быть осуществлена в действительности, если Земля и человечество ... не хотят войти в упадочное развитие“.

ЭДН, том 1, с. 502 — 503, № 1269.

- С. 2 *Пусти меня на волю, Герцелойда*
- Венок I – Мать Парсифаля не хотела пускать его за
Сонет 1 пределы своего дома. Её муж Гамурет — отец
Строка 1 Парсифаля — был воплощением всех рыцар-
ских добродетелей. Он погиб на войне, оставя
Герцелойду безутешной вдовой. Всё, связанное
с рыцарством, с тех пор внушало ей отвращение
и страх за будущее своего сына. Поэтому он
рос вдалеке от рыцарских турниров... Став
уже взрослым, он случайно повстречался с тре-
мя рыцарями... После этого случая он решил
во что бы то ни стало покинуть дом матери и
отправиться в то прославленное место, о котором
рассказали ему эти рыцари.
См. у Кретьена де Труа [1].
- С. 3 *... царём обмана*
- Венок I – Царь обмана, лжи, князь мира сего — Ари-
С-т 2, С-ка 5 ман, Сатана, Клингзор, Кашей. См. [3]
- С. 5 *Хлеб и вода нас сами не питают...*
- Венок I – Застольная молитва Ангела Силезского:
С-т 4 *Хлеб сам нас не питает.*
С-ка 5 *То, что питает нас в нём,*
Есть Слово Божие,
Есть Жизнь
И Святой Дух.
Аминь!
Благословенна трапеза!
- С. 6 *... пронзить*
- Венок I *Долину тьмы...*
С-т 5 – Имя Парсифаль (Персеваль, Парцифаль)
С-ка 4-5 можно перевести как «(всадник) пронзающий»

(копъём) долину» или «луч, проникающий во мрак долины» — ступень Посвящения.

„Парсифаль — проникни через долину! — так называли в Средние века посвящаемого” [3]
(Из тома 27 Полного собрания трудов Рудольфа Штейнера)

- С. 8 *Иосифа заветом*
Венок I — Имеется в виду Иосиф Аримафейский.
С-т 7, С-ка 3 См. у Робера де Борона [2].
- С. 8 *... Учителю...*
Венок I — Седовласый Учитель — символ, которым в былые времена обозначали Иерофанта древней мудрости.
С-т 7
С-ка 14
- С. 11 *... среды... субботы*
Венок I Каждый день недели в макро- и микрокосмическом смысле играет свою конкретную роль.
С-т 10 Особые роли у дней Страстной недели. В среду Иуда предал Христа за 30 сребренников. Вообще среда соответствует Меркурию или Гермесу. Считается, что именно в среду осуществляется наиболее успешная торговля. Суббота — день «ничего-не-делания», день «вселенского отдыха». Однако именно в субботу Христос одержал победу в аду над Ракшасами, сковал их там и тем самым пресёк возможность влияния этих злобных восставших могучих духов на развитие человечества.
С-ка 8 Об этом см. наприм. [3].
- С. 12 *... скорпионом...*
Венок I Скорпион — один из символов материализма.
С-т 11, С-ка 6

- С. 13 *Дух тяжести...*
 Венок I Подобное понятие есть у Ф.Ницше в книге
 С-т 12 «Так говорил Заратустра»: „Пойдёмте же,
 С-ка 5 убьём дух тяжести”.
 Собственно, это то же проявление Аримана.
- С. 13 *...любой тропой*
 Венок I Имеются в виду различные пути предучениче-
 С-т 12 ства, то есть подготовки к пути посвящения
 С-ка 13 (посвящение и ученичество здесь по сути сино-
 нимы, а Учитель — это тот, через кого посвя-
 щение приобретает). По этому поводу гово-
 рится: „Троп много, Путь один” или „Каждый
 идёт своей тропой к тому, кто откроет ему
 единственный Путь к истине”. Прежде чем
 прийти к такому Учителю, необходимо подго-
 товить себя душевно, телесно и духовно. Сам
 человек есть Путь, но лишь ученичество делает
 этот Путь видимым после того как через Ие-
 рофанта (Учителя) более высокие существа от-
 крывают ворота и сопровождают ученика от
 ступени к ступени.
- С. 14 *Вопрос созрел...*
 Венок I Наприм. в произведениях Р.Штейнера (в т.ч. в
 С-т 13 ЭДН [3]) — особенности нового Посвящения,
 С-ка 2 в котором вопрос носит особый характер ступе-
 ни на Пути ученика. Нет вопроса — нет позна-
 ния, осенённого познанием своего наивнутрен-
 нейшего существа. Вопрос — есть ключ к но-
 вым Вратам Посвящения, к мудрости, которая
 не законсервирована последователями древних
 Мистерий, но которая мощью духовного Солн-

ца светит в настоящем и живыми потоками прокладывает русла в будущее и из будущего озаряет душу Ученика обликами истинных целей.

- С. 14
Венок I
С-т 13
С-ка 14
- ...*Анфортас* (иногда — Амфортас)
— родной брат Герцелойды, дядя Парсифаля, страдающий от нанесённой ему Клингзором раны, которая исцелится только тогда, когда придёт новый король. Но, чтобы стать королём, надо пройти посвятельный обряд, в котором самое важное — задать вопрос. Вся история Парсифаля — как весы на коромысло — опирается на историю искупления страданий Анфортаса импульсом нового ученичества с его краеугольным камнем — вопросом ученика, рыцаря, проделавшего нелёгкий путь к замку Монсальват и всем своим сердцем желающего служить Добру, Истине и Красоте.
Подробнее см. [1], [3], [6], [7].
- С. 15
Венок I
С-т 14
С-ка 6
- Убитый на руках моей кухни*
См. историю Сигуны и Шионатуландера в романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» и в неоконченном его же романе «Титурель».
Подробнее см. [3], [6], [7].
Сигуна — племянница Герцелойды, дочь её сестры Шузианы.
Возможно, вопрос, будь он вовремя задан Парсифалем, смог бы предотвратить много бед, в том числе и гибель Шионатуландера, в которой Сигуна считала виновной себя, свой легкомысленный эгоизм.

- С. 15   *Будет эта кровь / Отображеньем Бога и сво-*
 Венок I   *боды*
 С-т 14   Человеческая кровь — «совершенно особый
 С-ка 6-7   сок».
- Тепло этой крови является космическим носителем нашего «Я», нашего личного, микрокосмического «Я».
- Христос — Я всего космоса, то есть макрокосмическое «Я».
- „Не я, но Христос во мне” — эти слова апостола Павла лучше любых других характеризуют истинную цель человека земли. В маленьком личном «Я» воссияет Я всего мира, всей Вселенной. Но воссияет не по принуждению, но лишь тогда, когда человек освободит себя от заблуждений мира сего и своё маленькое «Я» подготовит для служения Тому, Кто, собственно, является Отцом каждого «Я», и в каждом «Я» Он проявляется в особенностях того или иного человеческого духа.
- Подробнее на эту тему: Труды Рудольфа Штейнера, ЭДН [3].
- С. 20   *...не нашёл он в сети человека*
 Венок II   См. Евангелие от Матфея. Глава 4, ст. 19.
 С-т 3   *«И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю*
 С-ка 14   *вас ловцами человеков».*
- С. 24   *Молитвою и праведным постом*
 Венок II   См. Евангелие от Матфея. Глава 17, ст. 21.
 С-т 7, С-ка 1
- С. 26-29   Здесь приводится параллель между копьём
 Венок II   Лонгина, которое положило конец страданиям

- Сонет 9-11
и далее,
включая
1-е четве-
ростишие
12-го с-та
Строка 14-
1 и далее...
- Иисуса Христа, и копьём, причинившем рану
Анфортасу. Здесь кровь — общее начало, свя-
занное с Граалем. Кровь Господа была собрана
в Чашу. Анфортас, из раны которого постоянно
сочится кровь, является хранителем Чаши. Ес-
ли вспомнить о макро- и микрокосмическом ас-
пектах «Я» и отношении «Я» к крови как «со-
вершенно особому соку», станет понятнее эта
параллель и связь страданий Анфортаса с
Мистерией Голгофы.
- С. 29
Венок II
С-т 12
С-ка 4
- С момента Казни...*
То есть — после Мистерии Голгофы.
См. у Рудольфа Штейнера, в том числе в ЭДН
[3].
- С. 34
Венок III
С-т 1
С-ка 14
- Тринадцатый — великий и святой*
См. у Рудольфа Штейнера, например в лекци-
ях 1911-1912 гг., посвящённых Христиану Ро-
зенкрейцу.
[Штейнер Рудольф, Мистерия и миссия Хри-
стиана Розенкрейца. Лекции 1911-1912 гг. С.-Пб,
Дамаск, 1992.]
- С. 38
Венок III
С-т 5
С-ка 9
- В России...*
Россия — место, где Мистерия Парсифаля и
связанная с ней Мистерия Грааля получают
своё дальнейшее развитие. Мы не можем дать
здесь развёрнутое, обстоятельное пояснение.
Исследование на эту тему заняло бы целую
книгу и, может быть, не одну. А так как напи-
сание таких книг в наши планы не входит, мы
отправляем читателей к трудам Рудольфа
Штейнера и к фрагментам его же трудов в Эн-

- циклопедии Духовной Науки [3].
- С. 43 ...полночь бытия...
 Венок III «Полуночный час духовного бытия» —
 С-т 10 См. у Рудольфа Штейнера и в ЭДН [3].
 С-ка 2
- С. 47 Сам Титурель...
 Венок III О нём см. [1], [2], [3], [6].
 С-т 14
 С-ка 1
- С. 61 ...кружевницы, / Что вышивает небо сереб-
 ром...
 Венок IV Имеется в виду Мудрость, Изида, Божествен-
 С-т 12 ная София.
 С-ка 8-10 См. курс из четырёх лекций Рудольфа Штей-
 нера «Поиск новой Изиды, Божественной Со-
 фии». М.: Титурель, 2003.
- С. 76 Кондвирамур, любимая, проснись!
 Венок V У Вольфрама фон Эшенбаха — Кондвирамур, у
 С-т 11 Кретьена де Труа — Бланшефлёр, — возлюб-
 С-ка 9 ленная Парсифаля, его дама сердца, впоследст-
 вии ставшая его женой. Здесь во сне своей ма-
 тери он в прямой речи обращается к своей воз-
 любимой как к олицетворению Божественной
 Мудрости — Софии — «кружевницы, что вы-
 шивает Космос», наряд которой есть покрова
 Изиды, покрова Пресвятой Богородицы.
- С. 90 Хирам Абиф для Соломона...
 Венок VI См. наприм. Штейнер Р. Золотая легенда и ле-
 С-т 9 гenda о Храме как символическое выражение
 С-ка 9 прошлых и будущих тайн развития человека.
 М.: Новалис, 2006.

- С. 106 *Но тридцать лет...*
Венок VII Тридцать лет — приблизительное время, за ко-
С-т 9 торое Сатурн делает полный оборот вокруг
С-ка 1 Солнца, — так называемый «сатурнический
год». За тридцать лет в человеческом физиче-
ском теле не остаётся ни одной необновлённой
клетки. На уровне природных веществ человек
за этот срок обретает новое тело.
Подробнее см. у Рудольфа Штейнера, в том
числе в ЭДН [3].
Тридцать первых лет жизни — это срок «до
крещения». Иоанн крестил Иисуса на тридца-
том году Его земной жизни.
Илья Муромец в тридцать лет встал на ноги и
ощутил в себе силу, прежде не ощущаемую.
- С. 115 *...верным вдовам*
Венок VIII Понятие «вдова» имеет особое духовное значе-
Сонет 2 ние. В символически-эзотерических произведе-
Строка 1 ниях европейского средневековья сыном вдовы
назывался духовный ученик на определённой
ступени Посвящения.
Подробнее см. ЭДН [3].
- С. 169 *...в грубом теле — духочеловек*
Венок XI Понятие «духочеловек» — одно из главных поня-
Сонет 8 тий в антропософской духовной науке — можно
Строка 1 найти у Рудольфа Штейнера в его «Духовведе-
нии», «Очерке тайноведения» и многих других
работах, см. также в ЭДН [3].
- С. 194 *В последнем наставленьи Элевзина...*
Венок XIII Юлиан Апостата (Отступник) принял Посвя-
С-т 1, С-ка 10 щение от последнего Иерофанта Элевзинских

мистерий.

Юлиан Отступник — предыдущее воплощение индивидуальности Герцелойды.

Подробнее см. ЭДН [3].

Вот еще несколько отрывков, которые мы не могли не поместить в эти примечательные комментарии. Они взяты нами из ЭДН [3]. В разных лекциях с различных сторон Рудольф Штейнер как бы приоткрывал завесу тайны перед своими учениками с тем, чтобы сами они эту тайну могли постепенно разгадать и постичь истинный смысл её содержания. Мы лишь слегка прикоснулись к малой части того великого наследия, которое он нам оставил в текстах, запечатлённых в Полном собрании его печатных и лекционных трудов.

„Святой Сосуд с очищенной кровью был перенесен к темпеляйзен на гору Монсальват. Родоначальник Титурель принял Грааль; это было его желанием. Теперь произошло преодоление крови. Чисто физическое крови было преодолено духовным”.

„Можно духовно перевернуть чашечку цветка, так что она отвернется от неба и склонится вниз; можно также повернуть и солнечный луч, так что он будет от человека подниматься к небу. Эту перевернутую (духовно) чашечку цветка, представленную как факт в Мистериях, называли Св.Грааль. Действительная чашечка цветка есть перевернутый в другую сторону Св.Грааль. Что представляет собой солнечный луч — это известно каждому, знакомому с оккультизмом, известно как т. наз. волшебный жезл. Волшебный жезл —

это суеверно выраженный символ духовной действительности. Этот волшебный жезл в Мистериях называется окровавленным копьем. Таково происхождение Грааля... и окровавленного копья, первоначального волшебного жезла действительных оккультистов”.

„Святая Чаша — это чашечка цветка, прошедшая через животность и вновь очищенная для духовности”.

„К легенде о трех райских семенах, принесенных Зетом из Рая и вложенных в уста Адама, из которых затем выросло дерево, и из него был сделан крест на Голгофе, мировоззрение Грааля добавляло: когда дерево засохло и стало крестом, то на нем появились живые побеги, как залог вечной жизни. Это ученик Грааля видит в символе роз. Так прошлое подавало руку будущему”.

„Вагнер понял тайну очищенной крови. В его мелодиях заключены колебания, которые должны быть в эф. теле человека, если оно очистится до степени, необходимой для восприятия тайн Св. Грааля”.

„Каким выступает перед нами Парсифаль? Он выступает перед нами таким, что мы говорим себе: в нем мы имеем личность, которая была воспитана вне культуры внешнего мира, которая, ничего не должна была знать о культуре внешнего мира, которая, будучи подведенной к чуду Св. Грааля, должна была спросить об этом чуде, но спросить душой девственной, не подвергнутой влиянию остальной культуры. ...

Если бы Импульс Христа мог действовать только через то, как люди ссорятся о нем, его понимают, то он

мало чего мог бы сделать в развитии человечества. В эпоху Парсифаля мы видим, как подходит новый момент, когда Импульс Христа должен вновь действовать на ступень дальше. ... Парсифаль должен спрашивать! ... Не должен был спрашивать другой. Он ведь известен — тот, кто не должен спрашивать. Это юноша из Саиса. Его же судьба была такова, что он спрашивал, делал то, чего не должен был делать; он хотел увидеть образ Изиды. Парсифаль в эпоху до Мистерии Голгофы и есть юноша из Саиса. Но в то время ему было сказано: берегись, твоя душа не подготовлена к тому, чтобы заглянуть за покров! — Юноша из Саиса после Мистерии Голгофы есть Парсифаль. ... Он упустил из виду важнейшее, он не делает теперь того, что запрещено было юноше из Саиса, он теперь не спрашивает, не ищет открытия тайны для своей души. Так изменились времена в ходе развития человечества! ...

Парсифаль после того, как он упустил возможность спросить о чуде Святого Грааля в замке Грааля, пускается в путь и встречает на своем пути жену, оплакивающую умершего жениха, которого она держит на коленях: истинный образ скорбящей матери с сыном, выраженный позднее в мотиве «Пиеты»! Здесь дается указание на то, что испытал бы Парсифаль, если бы спросило чудо Святого Грааля. В новой форме ему бы открылась взаимосвязь между Изидой и Горусом, между Матерью и Сыном Человеческим. Он должен был спросить! ... Мы должны научиться спрашивать. В спиритуальном течении должны мы учиться спраши-

вать. Материалистический же поток уводит людей от вопросов”.

Тайна Святого Грааля. „В этой тайне заключено то, что от Мистерии Голгофы излилось в ауру Земли. Что прежде не изливалось в неё, что ныне, как тайна Святого Грааля, излилось в земную ауру, — это остается все еще закрытым, если человек не спрашивает. Человек должен спрашивать, и это означает не что иное, как: человек должен испытывать потребность действительно раскрывать заложенное в его душе. До Мистерии Голгофы этого не было в человеческой душе, ибо Христос еще не был в земной ауре”.

„Парсифаль — проникни через долину! — так называли в Средние века посвящаемого”.

„Грааль был из Англии перенесен в Европу и там Ангелами он удерживался парящим над Европой”.

„Одна высокая духовная индивидуальность особенно воздействовала в это подготовительное время из духовных высей на Европу и места ее Мистерий. Ее зовут Титурель. В качестве инструмента Титурель использовал духовных или светских водителей человечества и лишь в этом свете можно понять их действия”.

„Титурель воспринял чашу Грааля, паря над европейскими землями, и лишь столетия спустя опустился с нею из духовных высей на землю и на горе «Целение» (Монсальват) основал место Мистерий Святого Грааля, когда некоторые люди созрели для восприятия тайны Грааля. Каждого, кто созрел для такого Посвящения, называли Парсифаль”.

P.S.

По мере прочтения нашего произведения, читатель много раз сталкивался с местами, которые на что-то похожи, но сразу истолковать, объяснить, узнать их трудно, а иногда — невозможно. Однако автор надеется на широту кругозора читателя и его неутомимую волю к познанию. О чём-то он догадается сам, что-то он найдёт в разных первоисточниках (и не только в указанных автором), но останется и нечто такое, что как тайна будет сокрыто от его пытливого ума и острого ока. Пусть тогда наш дорогой читатель утешит себя мудростью, которую знали ещё древние греки: не все слова есть истина, но и не всю истину можно выразить в словах. В любом случае, пытаясь дать наиболее адекватное описание истинного переживания, нам приходилось балансировать на тонком канате современной словесности, и под этим канатом, бывало, простиралась такая пропасть, что дна её не всегда было видно. Но всё-таки мы преодолели этот путь. Читатель, как зритель, не должен ступать по канату. Он лишь наблюдает — остро и точно — за действиями канатоходца. И точно так же — он может изучить все тонкости и премудрости ходьбы по канату и видеть все жесты, все движения идущего, понимая последовательность и технику ходьбы. Однако канатоходец всегда будет иметь нечто такое, чего наблюдающий не будет иметь никогда до тех пор, пока сам не встанет на канат. Истина подразумевает саму ходьбу по канату, а не только наслаждение от её лицезрения. И задача канатоходца — показать, что любую дорогу можно осилить. Но осилит её только идущий. И дорога эта у каждого только своя. Поэтому, под каждым канатом — своя бездна и у каждого идущего — своя тайна.

Счастливого пути, читатель!

В оформлении книги использованы гравюры великих художников позднего средневековья и раннего ренессанса.

В самом начале на второй странице — слева от титульного листа:

*Лукас ван Лейден,
гравюра «Святой Георгий».*

Перед началом всего произведения:

*Альбрехт Дюрер,
гравюра «Св. Михаил, свергающий войска демонов».*

После вступительной части, перед началом Венка венков сонетов:

*Альбрехт Дюрер,
гравюра «Рыцарь, Смерть и Дьявол».*

После всего произведения, перед Послесловием:

*Альбрехт Дюрер,
гравюра «Св. Георгий, победивший дракона».*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИГЛАШЕНИЕ I

Венок I ПАРСИФАЛЬ 1

Венок II ПОЛОЖЕНИЕ АНФОРТАСА..... 17

Венок III ПЕРЕД ПОРОГОМ 33

Венок IV В ЗАМКЕ 49

Венок V ГРААЛЬ 65

Венок VI АПОЛЛОН.....81

Венок VII СЕЙ МИР 97

Венок VIII ГЕЛИОС 113

Венок IX ДАР ЗЕМЛИ 129

Венок X ДАР ГЕРЦЕЛОЙДЫ 145

Венок XI ДА БУДЕТ БОЙ ! 161

Венок XII ДАР ДОРОГИ 177

Венок XIII КУЗНИЦА 193

Венок XIV РАЗЛУКА – ВСТРЕЧА 209

Венок XV КОРОНА 225

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА 1ω

ГРИГОРИЙ ЕЛИН

Колокол Герцелойды. – М.: Титурель. – 288 с.

ISBN 978-5-902490-09-8

Редакция, оформление, вёрстка, макетирование и
издание книги осуществлены автором.

Все права защищены.

По вопросам использования содержимого книги
обязательно обращаться в редакцию издательства.

© Елин Г. Я.

Издательство «Титурель»

г. Москва

www.titurel.ru

titurel@land.ru

ISBN 978-5-902490-09-8

Формат 84x108/32. Объём 9 печ. л.

Тираж 300 экз. Заказ № 2975

Отпечатано по технологии СтР

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

